

85
1
П. А. Флоренскій.

398
Ф 732

28
лето / 1913

СОБРАНИЕ ЧАСТУШЕКЪ
Костромской губерніи,
НЕРЕХТСКАГО УѢЗДА.

141233

171533

М. 641406.3

1966 г.

1955
КОСТРОМА.
Губернская Типографія.
1909.

286 М

Нѣсколько замѣчаній къ собранію частушекъ Костромской губерніи Нерехтскаго уѣзда.

Ученые труды, имѣющіе своимъ предметомъ народную жизнь, чаще всего бываютъ одного изъ двухъ типовъ: или, это—болѣе или менѣе обширные трактаты, даже цѣлые курсы, съ высоты птичьяго полета обозрѣвающие общія очертанія народной жизни и потому дающія свѣдѣнія уже суммированными. Или же, это—отдѣльныя замѣтки объ отдѣльныхъ явленіяхъ народной жизни въ той или иной мѣстности.

Если труды перваго типа имѣютъ склонность къ чрезмѣрнымъ и, потому, преждевременнымъ обобщеніямъ, то труды втораго типа грѣшатъ обычно разрозненностью и обрывочностью сообщаемого матеріала, вырваннаго изъ общаго контекста жизни. Если первые, такъ сказать, уже передуманы, такъ что въ нихъ умерщвлена конкретность жизни, то вторые еще не додуманы, и ихъ содержаніе является случайнымъ, нерасчлененнымъ въ мѣстахъ важныхъ, загроможденнымъ отъ докучнаго хлама. Если въ первыхъ форма насилуетъ содержаніе, то во вторыхъ содержаніе оказывается вовсе безформеннымъ.

Однако, есть средній, царскій путь, минующій какъ сциллу фантастическихъ обобщеній, такъ и харибду бессмысленныхъ фактовъ. Это, именно, путь монографическаго изученія народной жизни. На этомъ пути ставится задача понять процессы народной жизни изъ самой жизни, а не изъ внѣшнихъ для нихъ инородныхъ явленій, равно какъ и не простое констатированіе единичныхъ случаевъ. Прочестъ жизненное явленіе въ контекстѣ жизни, понять его смыслъ и его значеніе для жизни не изъ общихъ положеній науки, которыя и сами нуждаются въ повѣркѣ, и не въ свѣтѣ субъективныхъ толкованій, а изъ самой жизни—вотъ задача монографическаго изученія быта. Но для этого необходимо изучить тотъ или другой уголокъ жизни, болѣе или менѣе типичный,—изучить проникновенно, до тончайшихъ сплетеній жизненной ткани, и,—притомъ—, всесторонне. Эта микрологія народной жизни, хотя и имѣетъ уже своихъ работниковъ, однако, въ общемъ, является доселѣ скорѣе требованіемъ науки, задачею, нежели данностью и готовымъ рѣшеніемъ.

Однако, ёсть причины торопиться съ изученіемъ нашего быта. Желѣзныя дороги, фабрики, техническія усовершенствованія, освободительныя идеи и газетчина—эти факторы являются гнилыми микроорганизмами, все ускореніе разлагающими быть. Возможно, что лѣтъ черезъ 10--15 не останется и слѣда отъ многихъ изъ безцѣнныхъ сокровищъ фольклора, которыми владѣетъ наша Родина. Пока можно еще, пока ёсть время, надо сохранить, что успѣемъ.

Руководствуясь только-что изложенными мыслями, втеченіе болѣе четырехъ лѣтъ (съ 1904 г. по 1909 г.) я старался, насколько могъ тщательно, взглянуть въ небольшой уголокъ Костромской губерніи Нерехтскаго уѣзда,—уголокъ, который можно опредѣлить приблизительно какъ область внутри окружности, описанной радіусомъ около 10-ти верстъ изъ села Толпыгина, Новинской волости. Радіусъ этой окружности при изслѣдованіи разныхъ явленій нѣсколько мѣнялся; а именно, онъ брался болѣе значительнымъ при собираніи пѣсенъ и т. д. и менѣе значительнымъ при изученіи особенностей діалекта. Причины, почему мною было избрано опорнымъ пунктомъ именно село Толпыгино, были по преимуществу житейскія; но теперь, обозрѣвая собранные матеріалы, я усматриваю заднимъ числомъ, что судьба поставила меня въ весьма благопріятныя условія,—о чемъ рѣчь будетъ впослѣдствіи.

Хотя ни собираніе, ни обработка матеріала далеко еще не закончены, однако его накопилось уже довольно для печатанія по частямъ. Отлагая общіе выводы свои до обнародованія самаго матеріала, я укажу, уже теперь, на одну изъ теоретическихъ задачъ, которая могла бы быть рѣшена рядомъ работъ, подобныхъ моей. Вотъ, что имѣется въ виду: съ точки зрѣнія лингвистики и фольклора Костромская губернія—одна изъ наиболѣе сложныхъ и интересныхъ губерній нашей Родины. Столкновеніе различныхъ народностей и различныхъ колонизаціонныхъ потоковъ произвело здѣсь не только своеобразный укладъ жизни и характера, но и удивительную этническо-лингвистическую неоднородность населенія. Губернія эта мозаична, и отдѣльные, хотя бы и смежныя, куски этой мозаики часто весьма существенно разнятся между собою: переходъ отъ одной

мѣстност
мѣтную
Какъ
какъ ост
колониза
финскихъ
славянск
что въ
то—втор
ныхъ
стромско
ныя гра
логіи яз
ческія,
мѣстнаг
или ино
религіоз
быть м
карту К
важности
ціонныхъ

Печ
Предлаг
половин
нетическ
бенности
ности с
Что же
комъ гр
При
ности п
Вѣдь гр
отступле
нежели

мѣстности къ другой, близъ-лежащей, иногда влечетъ за собою замѣтную прерывность этнической структуры населенія.

Какъ же понимать эти лингвистическія и бытовые гнѣзда?— Или,— какъ остатки невольнѣ растворившихся въ общей массѣ разныхъ колонизаціонныхъ потоковъ, или же,— какъ вывѣтрившіяся области финскихъ и иныхъ не-славянскихъ племенъ, смѣшавшихся съ племенами славянскими и завѣщавшихъ имъ свой этническій привкусъ. Возможно, что въ разныхъ мѣстностяхъ причины разнообразія то—перваго типа, то—второго. Но, такъ или иначе, однако тщательное изученіе отдѣльных мѣстностей позволитъ въ послѣдствіи произвести на картѣ Костромской губерніи рядъ линій, опредѣляющихъ собою территоріальныя границы той или иной особенности,—быта, лексики и діалектологии языка. Это будутъ, такъ сказать, изо-этническія, изо-діалектическія, изо-бытовые кривыя. Области распространенія извѣстнаго мѣстнаго слова, извѣстной особенности въ произношеніи, или той или иной побаски, имѣющей въ основѣ своей нѣкоторое своеобразное религіозно-общественное явленіе,—эти области въ иныхъ случаяхъ, быть можетъ, позволятъ возстановить древнюю этнографическую карту Костромского края. Нѣтъ, конечно, надобности доказывать важность подобныхъ изысканій для изученія всевозможныхъ миграціонныхъ процессовъ.

Печатаніе собраннаго матеріала я начинаю съ частушекъ. Предлагаемая читателю частушки записаны исключительно во второй половинѣ 1908-го года, при чемъ, насколько можно, примѣнялся фонетическій методъ „по звукамъ“. Къ сожалѣнію, однако, тонкія особенности произношенія остались опущенными, вслѣдствіе недостаточности средствъ графики: тутъ нуженъ бы фонографъ, а не перо. Что же касается до обычныхъ пріемовъ транскрипціи, то они слишкомъ громоздки.

При этомъ я старался сохранять индивидуальныя особенности произношенія,—не приводилъ записей къ одному знаменателю. Въдь грамматика—для языка, а не языкъ—для грамматики. Ошибки, отступленія отъ обще-принятаго нисколько не менѣе поучительны, нежели явленія обычныя. Это—проявленіе жизни языка; а въ терато-

логии и патологии языка дается орудіе къ пониманію его нормальной анатоміи и физиологии.

Главное, за чѣмъ наблюдалось при собираніи,—это отнюдь не отходить далеко отъ центра изучаемой области,—отъ села Толпыгина. Кромѣ самаго Толпыгина запись производилась въ селахъ Яковлевскомъ и Медвѣдковѣ; какъ села фабричныя, они даютъ свѣдѣнія, можно сказать, о всей ближайшей округѣ.

Часть приводимаго матеріала записана мною лично, другая же, ббольшая,—моими сотрудниками по работѣ. Таковыми были: семейство Толпыгинскаго священника о. Симсона Троицкаго, крестьянинъ того же села А. К. Хрѣновъ и студентъ Московской Духовной Академіи В. А. Ильинскій. Считаю пріятною обязанностью засвидѣтельствовать имъ свою глубокую благодарность за помощь, безъ которой настоящая работа едва ли смогла бы появиться на свѣтъ.

Матеріаль, печатаемый въ настоящей работѣ, состоитъ изъ частушекъ. Подъ частушками или частями пѣснями въ широкомъ смыслѣ разумѣется вообще особый родъ народной пѣсни, характеризуемой болѣе или менѣе быстрымъ, учащеннымъ темпомъ исполненія и подвижностью мелодіи („частое пѣніе“), что весьма подходит къ звукамъ сопровождающей ихъ гармоникѣ („гармонь“, „гармошка“, „тальянка“ и „тальяночка“, т. е. итальянская гармоника, а также „дву-рядка“, „дву-рядочка“). Въ болѣе узкомъ смыслѣ подъ частушкой разумѣется наиболѣе распространенный и, главное, наиболѣе опредѣленный по своему сложенію видъ частотого пѣнія, такъ—называемое играніе лѣндыха, откуда происходитъ названіе лѣндыхова частушка. Лѣндыховыми частушками въ настоящемъ собраніи являются №№ 1—727 и №№ 793—866.

Другой, тоже весьма опредѣленный, видъ частотого пѣнія это—частушка хороводная. Хороводными частушками въ настоящемъ собраніи являются №№ 893—968.

Хороводными же частушками называются частыя пѣсни, по содержанію напоминающія собственно-хороводныя, но разнящіяся отъ послѣднихъ неопредѣленностью формы. Эти частушки перемѣшаны съ собственно-хороводными.

д о в
№№
вмѣс
часту
а та
№№
видо
скі
еще
ланд
сожа
цовъ

пѣсн
с о в
расп
сущ
слѣд
го в
родн
„Но
„Зав
ловк
взгл

дима
1°, Д

2°, Д

3°, Д

4°, Д

5°, Д

Четвертымъ видомъ частіхъ пѣсень является частушка ходовая или плясовая, называемая также веселою. Таковы №№ 867—872. Эта частушка поется „въ подпляску“, т. е. служить вмѣсто музыки при пляскѣ. Къ ней же примыкаетъ и пятый видъ частушекъ,— это именно „выкрички“ на свадьбишной и иной пляскѣ, а также и въ паузахъ между ландоховыми частушками. Таковы №№ 873—892. Наконецъ, довольно далеко отъ выше-перечисленныхъ видовъ стоитъ частушка рекрутская. Частушки рекрутскія помѣщены у насъ подъ №№ 728—792. Можно было бы указать еще одинъ видъ частушки, по формѣ весьма близко примыкающій къ ландоховой. Это, именно,— частушка похабная. Но, къ крайнему сожалѣнію, по внѣшнимъ причинамъ не приходится печатать образцовъ этой поэзіи, весьма живо напоминающей эпиграммы Марціала.

Что же такое частушка въ существѣ своемъ? Есть ли это эпоха пѣсни или родъ пѣсни? Другими словами, есть ли частушка лишь современная пѣсня, соответствующая разлагающемуся быту,— распадъ народной пѣсни, или же она—одинъ изъ родовъ пѣсни, сосуществующій и сосуществовавшій другимъ родамъ?—Большинство изслѣдователей, даже не задумываясь надъ возможностью подобнаго вопроса, рѣшительно видятъ въ частушкѣ уродливаго эпигона народной пѣсни. „Жива ли народная пѣсня?“, „Новые народные стишки“, „Новое время—новая пѣсня“, „Новыя вѣянія въ народной поэзіи“, „Заводская поэзія“, „Извращеніе народнаго творчества“—вотъ заголовки нѣкоторыхъ изслѣдованій, выразительно указывающія, какого взгляда держатся ихъ авторы на занимающій насъ предметъ *).

*) Полагаю, что читателю, быть можетъ, не покажется бесполезной приводимая ниже (хотя далеко не исчерпывающая) литература о частушкѣ:

- 1°, Д. Зеленинъ, Пѣсни деревенской молодежи. Вятка, 1903. (Тутъ же, на стр. 3, приведена прежняя литература).
- 2°, Д. Зеленинъ, Сборникъ частушекъ Новгородской губерніи. (По матеріаламъ изъ бумагъ В. А. Воскресенскаго). („Этнографическое Обзорѣніе“, годъ 17-й, кн. LXV—LXVI, 1905, № 2 и 3, стр. 164—230).
- 3°, Д. Зеленинъ, Новыя вѣянія въ народной поэзіи. О частушкахъ Вятской губерніи. („Вѣстникъ Воспитаній“ 1901, № 8 ноябрь).
- 4°, Д. Зеленинъ, Черты современнаго народнаго быта по частушкамъ („Русскія Вѣдомости“, 1903, № 8).
- 5°, Д. Зеленинъ, Поэзія „казенныхъ дѣтей“ („Волховскій Листокъ“, 1904, № 266: пѣсни-частушки питомцевъ Воспитательнаго Дома по рукопис-

въ частушкѣ новѣйшую формацию народной пѣсни, отражающую именно умноженіе фабрикъ и заводовъ, сдѣлалось едва ли не общимъ мѣстомъ. Однако, я рѣшительно не признаю этого общаго мѣста. Въ частушкѣ должно видѣть просто особый родъ пѣсни, въ своемъ возникновеніи никакъ не связанной съ разложеніемъ быта и существовавшей издревле. Мало того, можно полагать, что частушечная форма не только сосуществовала прочимъ въ древности, но,—и это весьма вѣроятно,— даже имъ предшествовала.

На древность частушки указываетъ прежде всего прямая извѣстность старинныхъ частушекъ, встрѣчающихся напримѣръ на лубочныхъ картинахъ.

Затѣмъ, на первобытность частушки указываетъ общность частушечной формы у самыхъ различныхъ народовъ. Кажется, нѣтъ народа, у котораго не было бы найдено частушки. Но любопытно то, что даже у народовъ полу-дикихъ и дикихъ имѣются типичнѣйшія частушки.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, чтобы читатель могъ самъ убѣдиться въ универсальности частушечной формы пѣсни *).

Вотъ образецъ баттакскихъ стихотвореній (Ява), собранныхъ I. I. Мейеромъ:

Ulah sok hajang ka gula,
Tatjan bisa nanggur kawung,
Ulah sok hajank ka gula,
Tatja bisa nanun sarung,

ному сборнику В. И. Степанова, часть котораго напечатана въ „Этнограф. Обзор.“, а часть остается въ рукописи).

6°, Е. Линева, Жива ли народная пѣсня? („Русскія Вѣдомости“, 1903, № 31).

7°, Григ. Бѣлорѣцкій, Заводская поэзія („Русское Богатство“, 1902, № 12, стр. 38—50).

8°, И. Соколовъ, Деревенская молодежь въ ея пѣсняхъ-„частушкахъ“ („Биржевыя Вѣдомости“, 1903, №№ 379, 391, 403).

9°, В. И. Степановъ, Деревенскія посидѣлки и современныя народныя пѣсни-частушки („Этнографическое Обзорѣніе“, 1903, IV, стр. 69—98).

10°, Штакельбергъ, Новое время—новыя пѣсни. О частушкахъ Новгородской губерніи, („Россія“, 1901, № 916).

11°, Гл. И. Успенскій, Новые народныя стишки („Собраніе сочиненій“, изд. Павленкова, Т. 3, стр. 650—662).

12°, Д. Марковъ, Частушки, собранныя въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи. Казань, 1907 (изъ „Извѣстій общества арх., ист. и этногр.“, Т. 23).

*) Генрихъ Шурцъ, Исторія первобытной культуры, перев. проф. И. И. Смирнова, СПб. (1908) стр. 535—537.

т. е.: „Не требуй сахару, если не можешь срубить сахарной пальмы; не требуй меня, если не можешь соткать сорочки“.

По своему сложенію аналогичны этому и китайскія пѣсни ши-кин-гъ, и малайскія пантуны. Последнія „представляютъ собою приемованныя четырех-строчныя строфы, въ которыхъ господствуетъ довольно своеобразный параллелизмъ: въ первыхъ двухъ описывается какое-нибудь явленіе природы, а двѣ послѣднія выражаютъ извѣстнаго рода мысль, сентенцію; но для европейца часто крайне затруднительно усвоить себѣ связь между обоими представленіями,—проникающей всю первобытную поэзію субъективизмъ выступаетъ въ пантунахъ съ особой ясностью“. Вотъ образцы этихъ пантуновъ:

Memuti umbak di rantau Kataun
Patang dan pagi tida berkala.
Memuti bunga de dalam kabun,
Sa tangkei saja iang menggila,

т. е.: „Бѣлы волны на побережьи Катафи, день и ночь онѣ бушуютъ непрерывно; много бѣлыхъ цвѣтовъ въ саду; но по одномъ только я схожу съ ума отъ любви“.

Или:

Ager dalam bertambah dalam
Ujan di ulu bulum lagi tedoh;
Hati dendam bertambah dendam,
Dendam dauh bulum lagi sumboh.

т. е.: „Глубокія воды стали еще глубже и дождь все льетъ на холмъ; страстныя желанія моего сердца усилились, но до сихъ поръ еще не сбылись надежды его“.

Или:

Jeka sungguh bulan pernama,
Mengapa tiada di parar bintantg.
Jeka sungguh tuan bijaksana,
Mengapa tiada dapat di tintang,

т. е.: „Если дѣйствительно настало полнолуніе, отчего луна не свѣтитъ среди неба? Если ты правдивъ и вѣренъ, почему нельзя мнѣ пови-даться съ тобой?“

Тутъ читатель, вѣроятно, вспоминаетъ японскую танку. Въ самомъ дѣлѣ, что такое—эта танка, какъ не усовершенствованная ча-

стушка, вышедшая изъ утагаки, т. е. изъ хоровода пѣсенъ (ср. нашу хороводную частушку) и распространившаяся по всей толщѣ японскаго народа. Вотъ нѣсколько образцовъ танки крупныхъ японскихъ поэтовъ, которые я привожу въ переводѣ Гр. А. Рачинскаго:

Встрѣтились съ ней мы
впервые, какъ осенью
падали листья;

снова сухіе летятъ,

И ужъ въ могилѣ она.

(Хитамаро).

Если бы все лѣто

цвѣли на горахъ нашихъ

нѣжныя вишни,

врядъ ли такъ крѣпко бы мы

эти любили цвѣты.

(Акахито).

Страстью сгорая,

тебя поджидаю я...

Ты ли идешь тамъ?

Нѣтъ, то лишь вѣтра порывъ

рветъ занавѣску мою.

(Принцесса Нукада).

Утромъ осеннимъ

росой отягченныя

клонятся травы;

больше о дальней тебѣ

пролилъ ночами я слезъ.

(Нарихира).

Если бы бѣлыхъ

цвѣтовъ не такъ сладокъ былъ

запахъ пьянящій,

кто бъ ихъ рѣшился сорвать,

кто бъ ихъ не принялъ за снѣгъ?!

(Цураюки).

Горько я плакалъ,
и мокры отъ слезъ моихъ
складки одежды...
Спросять: „Что это съ тобой“?
„Дождикъ весенній“—скажу.
(Анонимъ).

Если бъ зачли мнѣ,
по службѣ чиновной,
всѣ муки любви:
пятый бы классъ получивъ,
я бы совѣтникомъ былъ!
(Анонимъ).

Чтобы, наконецъ, познакомить читателя съ частушкою европей-
скихъ культурныхъ народовъ, приведемъ нѣсколько народныхъ испан-
скихъ *soleares* (трех-стишія) и *coplas* (четырёх-стишія) въ
переводѣ, правда, нѣсколько олитературенномъ, К. Бальмонта.

Слово пѣсни—капля меда,
что пролилась черезъ край
переполненнаго сердца.

Та, кого люблю я сердцемъ,
точно бѣлая гвоздика,
что раскрылась поутру.

Хоть слезами оросили

мы твою любовь съ моею,—

не взрости ей, не расцвѣсть.

Какъ мнѣ быть съ тобой, не знаю,—

ты, какъ Кадиксъ, за стѣною,

подступиться не могу.

Отъ тоски я умираю,—

ты еще живешь на свѣтѣ,

ты, умершій для меня.

Какъ жемчужины-признанья:

чуть жемчужина сорвется,

за одной—другая, третья,

ожерелье распадется.

Камень, тронь его огнемъ,
брызжетъ слезы изъ огня.
Это камень! Что же будетъ,
съ сердцемъ, съ сердцемъ у меня!

Луна заскучала о солнцѣ
за три часа до разсвѣта.

Такъ о тебѣ я скучаю,
жизнь и блаженство мое.

Мать, что тебя породила,
ранняя роза была.

Она лепестокъ обронила,
когда тебя родила.

Подобныхъ примѣровъ частушки можно было бы приводить сколько угодно. Но т. к. я пишу не изслѣдованіе о частушкѣ, а лишь предисловіе къ собранію костромскихъ частушекъ и, притомъ, определенной области, то достаточно и приведенныхъ образцовъ. Полагаю, что уже ими доказано, что форма, столь распространенная по всему міру, не можетъ связываться у насъ въ Россіи съ условіями столь своеобразными, какъ разложеніе быта и фабричная работа. Но это слѣдается еще болѣе яснымъ, если мы вникнемъ, что, собственно, представляетъ собою частушка. При этомъ, для сохраненія мѣста, я буду сейчасъ имѣть въ виду исключительно частушку л а н д ю х о в у ю.

Если отвлечься отъ сравнительно—небольшого числа частушекъ на общественныя темы, то можно сказать, что ландюховая частушка есть народная лирика и, притомъ, лирика эротическая. Но эротика, которую высказываютъ предъ всѣми, да еще среди веселящихся товарищей и подругъ, не есть, вообще говоря, эротика самой глубины души. Это—чувство болѣе или менѣе поверхностное,—не столько страсть, сколько забава.

Да если бы и впрямь сердце сгорало отъ страсти и муки, то влюбленный постарался бы на людяхъ принять видъ легкомысленный. Тонъ шутокъ, болѣе или менѣе замѣтной, весьма часто покрываетъ частушечную эротику.

Эта двойственность частушки, это шутовское въ глубокомъ и глу-

бокое въ шутливомъ придають частушкѣ дразнящую и задорную прелесть, постоянно напоминающую Гейневскую Музу. Какъ и у Гейне, въ глубинѣ частушки порою нетрудно разглядѣть слезы и боль разбитаго сердца; однако, какъ у Поэта, такъ и у народа эти слезы и эта боль показаны болѣе легкими, нежели онѣ суть на дѣлѣ.

Изъ сказаннаго о с о д е р ж а н і и частушки вытекаетъ и соображеніе о ф о р м ѣ ея. Частушка какъ бы выкидываетъ, какъ бы мгновенно выбрасываетъ изъ человѣка чувство его. Это—не только лирика, — вообще выражающая настоящее, — но именно и по преимуществу лирика мгновенья. Будучи импрессионистской лирикой по существу, частушка необходимо получаетъ форму небольшого, замкнутаго въ себѣ, болѣе или менѣе изящно-сложеннаго цѣлаго. Четверостишіе частушки самодовлѣюще; его нельзя продолжить, его нельзя сократить. Частушка закончена въ себѣ и опредѣленна нисколько не менѣе, нежели сонетъ или газель или японская танка.

Вслѣдствіе этой законченности она скорѣе изящна, нежели глубокомысленна. Отсюда-то и вытекаетъ размѣръ ея, — подвижный, пикантный и какъ бы подпрыгивающій (—тутъ опять вспоминается Гейне); уместно было бы назвать размѣръ частушки кокетливымъ и дразнящимъ.

Художественная законченность частушки обусловлена ея параллелизмомъ. Нормально-сложенная частушка дѣлится на двѣ части, каждая по два стиха, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ тотъ или иной образъ, взятый по большей части изъ жизни природы, а вторая — раскрытіе его смысла примѣнительно къ данному настроенію мгновенья. Но параллелизмъ образа и его раскрытія не всегда прозраченъ сразу. Это объясняется, однако, (—исключая случаи просто не удачныхъ образовъ —) не столько субъективностью сопоставленія, сколько его глубиною. Такъ, перѣдки въ частушкахъ намеки на значеніе той или иной примѣты, того или иного гаданія (на картахъ, съ кольцомъ), или же пользованіе народной и даже международной символикой. Такъ, если встрѣчается упоминаніе о я год а х ѣ („ѣсть рябину“, „ломать рябину“, „рвать виноградъ“, „сорвать вишеньку“), то этотъ символъ, внѣ всякаго сомнѣнія, означаетъ любовное соединеніе. Если говорится, что та или иная ягода — зеленá,

то это означает половую незрѣлость. Пить чай—удачная любовь, пить воду—неудачная. Сорвать цвѣтокъ—выдать замужъ. Бусы, въ особенности бѣлые (какъ жемчугъ),—символь горя. И т. д. Символика частушки—приблизительно та же, что и символика пѣсни, и потому я считаю возможнымъ ограничиться здѣсь простымъ указаніемъ на этотъ, достаточно разработанный, отдѣлъ словесной науки. Попытку же систематизировать частушечные символы читатель можетъ найти въ выше-указанной работѣ Д. Зеленина „Сборникъ новгородскихъ частушекъ“ („Этн. Обзор.“ годъ 17, кн. LXV—LXVI, стр. 167—169). Пояснимъ на одномъ примѣрѣ значительность и тонкость частушечнаго параллелизма. Положимъ, говорится:

У милѡва черны брови,—
черны какъ у вѡрона:
ожидай, мой ненаглядный,
разставанья скорова.

Брови „милѡва“ сравниваются съ бровями ворона. Брови милова напоминаютъ дѣвушкѣ ворона. Воронъ же—птица зловѣщая,—неблагопріятное знаменіе. Отсюда рождается предчувствіе близкаго несчастья,—разставанья. Возможно, что въ частушкѣ есть намекъ и на причину разставанья. Вѣдь черныя брови—признакъ красоты; чернобрового всякая охотно полюбитъ, вотъ и жди „разставанья скорова.“

Или, вотъ еще примѣръ:
Всѣ подрушки шьютъ подушки,
а мнѣ надо дипломатъ.
Всѣ подрушки идутъ замушъ,
а мнѣ надо погулять.

Не покажется ли сперва, что упоминаніе о подушкахъ и о дипломатѣ—случайно,—для рифмы. Однако, это—не такъ. Связь идей очевидна: Подрушки идутъ замушъ; естественно имъ готовить свое хозяйство,—шить подушки, ибо подушка—лучшій символъ брака. Мнѣ же,—думаетъ дѣвушка,—надо бы еще погулять; а для гулянія нужно пріодѣться нарядно,—нуженъ дипломатъ.

Возьмемъ еще частушку:
На горѣ стоитъ аптека,
любовь сушить человѣка.

Не любила,—была бѣла;

полюбила,—поблѣднѣла.

Сперва покажется: какъ связь — между любовью и аптекой. Но тутъ весьма выразительно указывается сила страсти: до того изсохла, до того поблѣднѣла, что нужна медицинская помощь, нужно лечиться.

Эта прерывистость мысли, порою кажущаяся (но на дѣлѣ не таковая!) крайнею субъективностью случайныхъ ассоціацій, весьма сближаетъ частушку съ лирикой современныхъ поэтовъ-символистовъ, пропускающихъ промежуточные вѣхи на пути мысли и оставляющихъ лишь крайнія. Такому сближенію способствуетъ и формальная особенность частушекъ, тоже имѣющая себѣ параллель въ новой поэзіи. Я имѣю въ виду стремленіе къ звучности, между прочимъ, выражающееся, какъ тамъ, такъ и тутъ, въ двойныхъ римахъ; первая половина стиха римуется, или, по крайней мѣрѣ, созвучна со второю. Вотъ нѣсколько примѣровъ достигаемой такимъ приемомъ звучности частушекъ:

Мимо оконъ ходитъ бокомъ...

Еко горе мунѣ Григорей!...

Возму мыльцо, пойду мыльца...

Не отъ дѣла похудѣла...

Всѣ подружки шьютъ подушки...

Милый Саша, воля ваша...

Дайте ходу параксоду...

Подпояшу я Енашу...

Дали волю любить Колю...

Ты, гармошка, бѣлы-ношки...

Черезъ полѣ вижу Олю...

Не любила,—была бѣла;

Полюбила,—поблѣднѣла...

И т. д. Иногда звучность стиха достигается иными приемами,—ассонансомъ и аллитераціей; такова, на примѣръ, великолѣпная аллитерація одной рекрутской частушки:

Мѣдна мѣра загремѣла

надъ моею головой,

передающая звукъ металлическаго удара.

Наконецъ, есть еще одна черта, сближающая частушки съ „новою“ поэзіей. Это, именно, нерѣдка въ нихъ утонченность эротики, рафинированность любовнаго чувства и многообразіе его проявленій. Тутъ мы видимъ, напримѣръ: любовь дѣвушки къ подругѣ, потому что брови ея такъ черны, какъ у милова; любовное созерцаніе платочка полученнаго отъ милова, т. е. родъ любовнаго фетишизма; одновременную любовь къ нѣсколькимъ, причемъ къ каждому она имѣетъ особый отбѣнокъ, и т. д. и т. д. Не говорю ужъ о всевозможныхъ отбѣнкахъ ревности и покорности предъ свершившейся измѣной, включительно до полной резиньяціи. Повторяю, я не пишу и зслѣдованія о частушкахъ, а набрасываю лишь нѣсколько случайныхъ штриховъ; но я не могу не замѣтить, что этотъ вопросъ объ эротикѣ въ средѣ сельскаго люда и о тѣхъ формахъ ея, которыя принято считать или патологическими, или исключительно свойственными пресытившимся верхамъ культурнаго общества, весьма достоинъ внимательнаго изученія.

Стоитъ отмѣтить, что частушка служитъ живымъ свидѣтелемъ чистоты нравовъ нашего крестьянства. Часто утверждаютъ обратное и приводятъ въ доказательство тѣ или инныя частушки. Но при этомъ забываютъ, что въѣдъ общественную нравственность нельзя брать безотносительно. Въ смыслѣ прямоты выраженій и отсутствія эвфемизмовъ частушки говорятъ столько, что исполнителямъ ихъ дальше уже нечего говорить; все названо своими именами. Представьте же себѣ теперь, что въ интеллигентскомъ обществѣ запѣли бы интеллигентскія частушки съ такою же степенью откровенности. Полагаю, что тогда мы и не то услышали бы, что слышимъ въ деревнѣ. Современная беллетристика только начала откровенничать, а и то всѣ поспѣшили ужаснуться.

Такъ какъ эротика—единственный предметъ ландюховой частушки, то при систематизаціи матеріала я старался выдержать приблизительно исторію развитія любви, ея расцвѣта и упадка. Частушки сгруппированы приблизительно въ слѣдующія гнѣзда: начало любви и ея развитіе (№№ 1—131), разгаръ любви, любовныя свиданія и разставанія (№№ 132—219), сплетни про дѣвушку (№№ 220—251), мысли о замужествѣ (№№ 252—296), отношеніе къ родителямъ и домашнія со-

151233
171533
M. K. H. 2

ры (№№ 297—364), разлука и сердечныя терзанія (№№ 365—474), равнодушіе и кокетство (№№ 475—476), любовныя ссоры и разочарованія (№№ 477—610), измѣна и ревность (№№ 611—676), грубо-сти (№№ 677—699), женитьба милаго на другой (700—727); нѣсколь-ко въ сторонѣ стоятъ частушки не-индивидуальныя (№№ 793—827), шутилы и насмѣшливыя (828—866). Иногда, какъ это дѣлаетъ, на-примѣръ, Д. Зеленинъ, изслѣдователи стараются тща-тельно расклассифицировать частушки и озаглавить каждый отдѣлъ. Быть можетъ, это и представляетъ свои выгоды въ сборникѣ типиче-скихъ частушекъ, для учебныхъ цѣлей, но при изданіи всѣхъ на-личныхъ частушекъ даннаго района такая классификація была бы крайне искусственной и произвольной, потому что каждая частушка, какъ фактъ самой жизни, имѣетъ множество сторонъ, и за-числять ее въ ту или другую рубрику зависѣло бы отъ каприза из-слѣдователя. Гораздо полезнѣе было бы при совокупномъ изданіи частушекъ приложить къ нему предметный указатель.

По своему содержанію, по своей формѣ, и, наконецъ, по спосо-бу своего возникновенія частушка есть крайній предѣлъ того спектра народной пѣсни, начальнымъ предѣломъ котораго является былина, историческая пѣсня и духовный стихъ. Въ то время какъ послѣднія выражаютъ священную, неподвижную стихію народной жизни и потому составляютъ преимущественное достояніе старости, стариковъ, — ча-стушка соотвѣтствуетъ мірской, текучей стихіи народной жизни и потому принадлежитъ молодости, молодежи. Отсюда слѣдуетъ, что ча-стушка не въ примѣръ всегда-неизмѣнной былинѣ, всегда мѣняется: для частушки характерно ея непостоянство. Частушка — это всегдашнее *eadem sed aliter*. Она всегда кажется новою, она всегда — не та, что ранѣе; однако, ея новое — такъ же старо, какъ міръ; — оно столь же ново, сколь нова представляющая себя единственной на свѣтѣ первая любовь. Но, будучи всегда одною и тою же, она всякій разъ возникаетъ сызнова: частушка есть всегдашнее измѣненіе, но никогда — развитіе. Будучи всецѣло во власти времени, въ интересахъ дня, частушка а-исторична и не знаетъ ни прошедшаго, ни будущаго. Поэтому, она никогда не является выразительницею всенароднаго со-знанія, но — лишь индивидуальнаго, особнаго. Частушка не занята выс-шею правдою, но всецѣло предается своимъ настроеніямъ, своимъ

чувствамъ и интересамъ. Въ этомъ индивидуализмѣ и субъективизмѣ частушки кроется причина ея глубочайшаго сродства съ индивидуализмомъ и субъективизмомъ современной поэзіи. Частушка—это народное декадентство, народный индивидуализмъ, народный импрессионизмъ; однако, при этомъ должно помнить, что названныя направленія вовсе не суть специфическое достояніе нашей эпохи, а всегда существовавшія и періодически усиливавшіяся направленія поэзіи. Такъ дѣлаются понятны многія характерныя особенности частушки.

Прежде всего,—особенность формальная: частушка построена капризно и неравномѣрно. Не опираясь на опытъ вѣковъ и представленная самой себѣ въ каждое мгновеніе своего существованія, не имѣя исторіи, частушка рѣдко бываетъ выдержана. Начинаясь превосходно, она рѣдко доводитъ до конца ту же степень вдохновенности и порою падаетъ до чего-то жалкаго. Или, наоборотъ, начинаясь нескладно, она заканчивается выразительно и пѣвуче. Видно, что для поэтическаго творчества не достаточно одной вспышки вдохновенія, но необходима и традиція, школа. Кромѣ того, крайній индивидуализмъ разрѣшается однообразіемъ. Въ частушкѣ нѣтъ рѣзко очерченныхъ и отграниченныхъ образцовъ; отдѣльныя частушки оказываются нерѣдко весьма схожими другъ съ другомъ, и все собраніе частушекъ можетъ быть распредѣлено на сравнительно—небольшое число гнѣздъ частушекъ сродныхъ между собою. Получается то же, что и при всякомъ большомъ числѣ независимыхъ между собою явленій;—а именно, надъ таковыми господствуетъ „законъ большихъ чиселъ“, статистика. Какъ и всегда, крайняя независимость проявленій дѣлаетъ изъ людей среднія статистическія. Своеволіе индивида ввергаетъ общество въ рабство законовъ статистики. Изъ текучести частушекъ, изъ ихъ удобоподвижности понятно, что древнихъ частушекъ сохраняться не можетъ, если только ихъ не запишутъ во время. Отсюда дѣлается вдвойнѣ важнымъ своевременное собраніе ихъ. Каждый годъ приносить съ собою новыя частушки и уноситъ старыя. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ частушки сейчасъ посвящены фабричной жизни, то это надо принимать не за свойство частушки, какъ таковой, а лишь за свойство самой жизни: словно зеркало частушка отражаетъ въ себѣ все, что ни дѣлается съ жизнью. Такъ,

въ революціонный годъ явилось въ Петербургской и Новгородской губерніяхъ множество частушекъ политическихъ и злободневныхъ. Но правильно ли, что частушка—революціонная поэзія?

Можно сказать, что былина—это выраженіе быта народа, вѣковѣчной глубины его жизни, а частушка—злоба дня, мимолетная и, тѣмъ не менѣе, всегдашняя рябь на водной поверхности этого зато-на. Порою рябь превращается въ волны и пѣну; но потомъ волненіе успокаивается, и снова рябится водная поверхность.

Въ этой мгновенности частушки—особый интересъ ея для изслѣдователя. Въ частушкѣ мы имѣемъ предъ собою народную поэзію *in statu nascendi*,--видимъ рожденіе народной поэзіи. Вѣчно-юная, вѣчно-кипучая частушка есть бродящее вино народной жизни. Тутъ, быть можетъ, мы имѣемъ предъ собою нѣчто аналогичное зачаткамъ древней комедіи и трагедіи. И это дѣлается особенно ясно, если мы вспомнимъ, что частушки нерѣдко распѣваются антифонно, что въ лицѣ гармониста, быть можетъ, повторяется древній протагонистъ. Самый ритмъ частушки нѣсколько напоминаетъ ионифаллическій стихъ (*versus ithyphallicus*), а „похабныя частушки“ можно было бы уподобить ионифалламъ, т. е. фаллическимъ пѣснямъ греческихъ діонисій.

О другихъ видахъ частушки много говорить сейчасъ не стану. Относительно формы хороводной частушки слѣдуетъ только упомянуть, что послѣдній стихъ (четвертый въ собственно-хороводной частушкѣ) непременно содержитъ въ себѣ указаніе на поцѣлуй. Это—формальная особенность хороводной частушки. Темпъ ея чрезвычайно быстръ; ритмъ весьма выдержанъ и заразительно-веселъ. Въ смыслѣ красоты формы и своеобразія стиховъ съ двумя родами удареній (сильными и слабыми) эту частушку можно смѣло указать поэтамъ, какъ образецъ для подражанія. Что же касается до содержанія, то, сообразно съ безудержнымъ весельемъ хороводной частушки, оно отличается грубоватымъ юморомъ и, нерѣдко, забавною безсмыслицею, имѣющею конечной цѣлью подготовить въ послѣднемъ стихѣ такое или иное упоминаніе о поцѣлѣ.

Еще больше діонисическаго изступленія въ ходовыхъ или плясо-

выхъ частушкахъ; наконецъ, въ свадебныхъ или „сварьбишныхъ“ и иныхъ выкрикахъ оно переходитъ уже въ разгулъ и пьяное безудержье.

Рекрутская частушка интересна главнымъ образомъ по новому (въ сравненіи съ предыдущими) отношенію дѣтей къ родителямъ. Въ ландюховой и хороводной отцы и дѣти представляются обычно противоборствующими; въ рекрутской же частушкѣ слышится близость и кровная связь; стиль Гейне смѣняется стилемъ Никитина. Но почему-то рекрутская частушка иногда отзывается риторической сентиментальностью интеллигентской поэзіи.

Рекрутская частушка,—что само собою понятно,—составляетъ исключительное достояніе парней, робятъ, „мальчишекъ“. Что же касается до частушки прочихъ видовъ, то она распѣвается какъ „мальчишками“, такъ и „дѣвченками“. Однако, частое пѣніе „мальчишекъ“ выразительно отличается отъ такового же „дѣвченочъ“, какъ по содержанію, такъ и по общему тону. Частушка „мальчишекъ“ по большей части нѣсколько грубовата, рѣдко-рѣдко не задѣнетъ предметъ своей любви, „милашку“; юмористическій и насмѣшливый тонъ этой частушки порою переходитъ въ бахвальство своею грубостью, если не въ прямое оскорбленіе. Кромѣ того, нескромная шутка—тоже преимущественное достояніе частушки робятъ. Отсюда-то и произошла та кажущаяся странность, что въ настоящемъ собраніи частушекъ большая часть матеріала принадлежитъ „дѣвченкамъ“, хотя всѣмъ извѣстно, что частушками по преимуществу занимаются робята. Дѣло объясняется весьма просто,—тѣмъ, именно, что частушки робятъ слишкомъ часто включаютъ въ себя такія слова и выраженія, какія не принято печатать даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ, и потому большую часть этой поэзіи обнародовать сейчасъ не приходится.

Напротивъ, частушка „дѣвченочъ“,—тоже подчасъ далеко не салонная—гораздо скромнѣе и мягче. Въ ней преобладаютъ чувства нѣжныя, порою даже сентиментальныя. Въ ней часто слышатся слезы, обида, горечь; бываетъ и раздраженіе, но чрезвычайно рѣдка насмѣшка. Дѣвичья частушка тоньше робячьей, острѣе и ближе послѣдней подходитъ къ поэзіи книжной. Въ ней мало размашистой удалы полей и лѣсовъ, но за то довольно кокетства и, иногда, затаеннаго, почти городского,

ехидства. Если въ робячьей частушкѣ, за грубоватостью, чувствуется непосредственность, простоватость и, пожалуй, доброта, то въ дѣвичьей, несмотря на ея чувствительность, можно усматривать, скорѣе, нѣкоторую интеллигентность и то, что называется *esprit*,—даже внутреннюю разсудочную сухость сердца. Это—неудивительно, потому что сочетанія доброты съ грубоватою простотою и сухости съ изящною чувствительностью—самыя обычныя въ химіи духа. До извѣстной степени можно наглядно показать разницу частушки „мальчишекъ“ и „дѣвченокъ“, если сопоставить соотвѣтственные частушки обоихъ половъ. Вотъ маленький примѣръ такого сопоставленія.

Робята поютъ:

Дѣвки поютъ:

Неужели ты завянешь,
травушка шелковая?

Неужели ты завянешь,
аленькій цвѣточикъ?

Неужели не вспомнешь,
дура безтолковая?

Неужели не вспомнешь,
миленькій дружокъ?

Относительно частушки дѣвичьей уместно высказать еще одно соображеніе. Читатель, уже при бѣгломъ чтеніи частушекъ, вѣроятно, обратитъ вниманіе на то, что въ частушкѣ, по содержанію своему явно составленной дѣвицею, составительница говоритъ о себѣ въ мужскомъ родѣ. Нельзя думать, что это—оговорка, *lapsus linguae*: такихъ частушекъ съ „оговорками“ слишкомъ много. Нельзя думать и того, что это *licentia poetica*,—ради размѣра: по большей части размѣромъ вполне допускается и женскій родъ, такъ что не составляетъ труда сдѣлать замѣну. Но что же это такое? Отвѣтъ на это легко дать, если припомнить кое что изъ области половой психологіи и изъ исторіи литературы. Извѣстно, что поэзія—не женское дѣло и что поэтессами всегда бывали женщины мужественныя, „промежуточныя формы“ между собственно женщиною и собственно мужчиною. Отсюда понятна всегдашняя наклонность поэтессъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая позднѣйшими, говорить о себѣ въ мужскомъ родѣ. Повидимому, не иначе бываетъ и у деревенскихъ поэтессъ; а отъ нихъ вновь—составленная частушка такъ и распространяется въ средѣ настоящихъ дѣвицъ съ несоотвѣтственнымъ содержанію мужскимъ родомъ.

Заканчивая свое обрывочное изложеніе мыслей о частушкахъ, я считаю долгомъ добавить, что смыслъ своей работы вижу совсѣмъ не въ этихъ

замѣткахъ, а въ изданіи сырого матеріала. Но если бы эти замѣтки обратили чье-нибудь вниманіе на частушку и побудили его сдѣлать подобную же запись для иного уголка Костромского края, то я былъ бы вполне удовлетворенъ.

При этомъ мнѣ кажется полезнымъ указать, въ интересахъ общаго дѣла, на крайнюю необходимость записывать по возможности всѣ варианты той или иной частушки. Только при наличности ихъ возможно будетъ, наконецъ, понять, какъ идетъ процессъ народнаго творчества, и что онъ такое—въ существѣ своемъ: индивидуальное ли вдохновеніе отдѣльныхъ поэтовъ, терпящее порчу по мѣрѣ своего распространенія, или, на оборотъ, постепенно-совершенствуемое, отъ поэта къ поэту, или, наконецъ, созданіе безсознательнаго и слѣпнаго инстинкта обще-народной массы. Правда, собирать варианты скучно, а печатать ихъ кажется излишнею роскошью; но, быть можетъ, важнѣе изучить одну частушку во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, нежели гнаться за многими, но безъ вариантовъ.

Возможно, что довольно значительное число словъ въ собраніи частушекъ окажется непонятнымъ читателю. Объясненія такихъ словъ отсутствуютъ въ виду того, что въ скоромъ времени надѣюсь выпустить въ свѣтъ подробный словарь изучаемой мною мѣстности. Но, быть можетъ, теперь же необходимо объяснить одно, весьма часто встрѣчающееся, малопонятное выраженіе, а именно „моётъ“, которое есть сокращеніе „мой-отъ“, т. е. „мой“ съ древнимъ опредѣленнымъ членомъ, доселѣ сохранившимся въ Костромскомъ нарѣчій.

Павелъ Флоренскій.

Частушки, собранныя въ селѣ Толпыгинѣ Костромской губерніи, Нерехтскаго уѣзда, Новинской волости.

Ландюховыя частушки

(индивидуальныя).

1. Лавы *) гнутса, лавы гнутса,
лавы подгибаются.
Двое любятъ, двое любятъ,
третій—собирается.
2. Я сидѣла под'оконкомъ,
шила платьицо с'горошкомъ,
двѣ оборочки подрять,—
для хорошихъ ребятъ.
3. Навяжу ли я к'лицу
бѣлинькой платочикъ:
я не кѣмъ не занята,
гуляю какъ свѣточикъ.
4. Повяжу я, поищу
(или: повяжу я, повяжу)
бѣлинькой платочикъ.
Я не кѣмъ не занята,—
гуляю какъ свѣточекъ.
5. Двѣ берёски да вѣтлѣ,—
всѣ попарно, я—одна.
Дѣлать нечѣво одной,—
я сейчасъ уйду домой.
(или: пойду с'гуляночки домой).
6. Давай, товарка, попоёмъ,
попоёмъ, удалая.
Ты люби большова брата,
а я буду—малова.
7. Сошью ковточку бардѣву
на отдѣлку—ластикъ.
Ты люби, товарка, Васю,
а я буду—Сашиньку.
8. Шашью ковточку бардѣву,
на отдѣлку—ластикъ.
Ты люби, товарка, Сашу,
а я буду—Васиньку.

9. Сошью ковточку собѣ
ис'ситчику зелѣнова.
Полюбилъ бы хоть годокъ
это Спиридонова.
10. Купи, маминька, на платѣ,
буду барыней ходить.
Я сошью капоть с'боркой,
буду слесаря любить.
11. На дорожкѣ стоитъ столбикъ,—
верстовой, нельзя рубить.
На примѣтѣ есь мальчишко,—
занятѣй, нельзя любить.
12. Поносилъ бы, поносилъ бы
ситичку московкова!
Полюбилъ бы, полюбилъ бы
ткачика Павлоўскаго *)
13. Ты гармошка,—бѣлы пошки,
позолочены мѣха!
Полюбилъ бы богомолку,
не отмолить ли грѣха.
14. Кто канторщиковъ не любить,
а я стала бы любить:
образованные люди,—
знаютъ, што поговорить.
15. Купи, тятинька, калоши,—
хоть годокъ потопая.
Ниужели, тятя с'мамой,
я не заработаю?
16. Купи, маминька, на платѣ
жиганѣту сѣрова.
Уважать топерь я буду
Васютку Алексѣева.
17. Купи, маминька, на платѣ
жиганѣту силѣва,
Уважать теперь я буду
сыночка Васильева.

*) Такъ называются переходы на мѣся-
ничной гати изъ нѣсколькихъ длинныхъ
бревенъ.

*) т. е. съ фабрики Павлова въ Киселевѣ.

18. Крость Толпыгино село
проплету частой плетень.
Заведу себя мальчишка—
как бы видѣть кажной день.
19. Закажу себя колечко
отъ рубля пятнатцати.
Заведу себя дѣвчѣнку
годовъ девятнатцати.
20. Мимо нашева крылечка
течѣтъ рѣчка ручайкомъ.
Познакомилась с'мальчишкомъ
я вчарашнимъ вечеркомъ.
21. Часто в'церковь я ходила
и ставала пот'перѣдъ:
мо-ѣтъ милой—чернобровой,
онъ на крилосѣ поѣтъ.
22. У таварки брови чѣрны,
какъ у милова мово.
Погляжу я на таварку,—
всѣ равно какъ на нѣво.
23. Рас'пушшу катушку нитокъ
по зелѣному лушкѣ.
У мово-то ли милѣнка
домъ на самомъ берешкѣ.
24. Какъ в'слесарню-ту дорога,
въ нову фабрику—тропа.
Мо-ѣтъ милинькой роботать
у середнева окна.
25. Какъ у Сидорова в'канторѣ
всѣ приводы да трубѣ.
Не большая тамъ зазноба
и манить миня туды.
26. Перешла бы я къ Павлоу *),—
только лѣсенка крута.
Не большая тамъ зазнобушка
поманивать туды.
27. Не любила чаю пить,—
любила по-воду ходить.
Отчево любила я?
—Мимо дому милова.
28. Шла я полѣмъ, сидѣлъ воронъ
на высокою соснѣ.
Мо-ѣтъ милой черно-бровой
часто видѣтся во снѣ.
29. Шолъ я полѣмъ, сидѣлъ воронъ
на высокой на соснѣ.
Не моя-то ли милѣя
часто видѣтся во снѣ?
30. Потеряла ис'кармашка
еровое зѣрнышко.
Поглядѣлъ бы на милова,
какъ на красно солнышко.

*) т. е. на фабрику Павлова въ Киселевѣ

31. Потерялъ я ис'кармашка
еровое зѣрнышко.
Поглядѣлъ бы на милѣю,
какъ на красно солнышко.
32. Черно-бровинькой мой милинькой,
не стой передо мной:
Разгоритца моѣ серцо,—
не зальешь его водой.
33. Золото моѣ колечко,
сыспода—лужное.
Ретивѣе моѣ серцо
с'милымъ жаражное.
34. Бѣлу ковточку скройла,—
полки укоротила.
Полубила я мальчишка,—
серцо узаботила.
35. С'хожу в'зеленинькой лѣсокъ,
сорву ландышокъ свѣтокъ,
приколю милѣнку в'груть,
скажу: „до смѣрти не забыть“.
36. Не сердистъ, милѣй на это,
што не рѣско говорю.
Всей душой тебя жалѣю,
только виду не даю.
37. Двѣ берѣски зеленѣють,
третья—почки предаѣтъ.
Любить, любить миня милой,—
только виду не даѣтъ.
38. Незабудочку-свѣточикъ
ангелъ с'неба уронилъ.
Не забуду то словечко,
што мнѣ милой говорилъ.
39. Не забуду тотъ кусточикъ,
гдѣ я вѣточку сломилъ.
Не забуду то я слово,
што милашкѣ говорилъ.
40. Пойду, схожу за овины,
нашипилю я озими.
Вотъ, сказать ли вамъ, дѣушкы,
кого люблю отъ осени?
41. Ой, дѣвчѣнки, кѣнчино:
запропало кольчико,
с'середнива пальчика,
у знакомова мальчика.
42. С'неба звѣздочка упала,
прямо к'милому на чердакъ.
Пропадай моѣ колечко,
только стойть читвертакъ.
43. Частой дождикъ накрапаетъ
на сарайчикъ тесовой.
У мальчишка пропадаетъ
мой платочикъ носовѣй.

44. С'горки на гору иду,
иду я,—оступаюся.
Я которова люблю,—
люблю не запираюся.
45. Охъ, я в'Толпыгино иду,—
иду не запинаяся.
Охъ, я милую люблю,—
люблю не запираюся.
46. Я любила тако время,
когда свѣтики свѣтутъ.
Ешицо больше уважаю,
ково Шурочкой зовутъ.
47. Я сидѣла на лущку,
писала мѣлому друшку,
(или: писала тайности друшку).
Вотъ какія тайности:
„люблю друшка до крайности“.
48. Мѣлой, ландышокъ душистой,
незабучка свѣтокъ!
Не забудь, мѣль, мой подарокъ,—
мой батистовой платокъ.
49. Мѣлой, ландышокъ душистой,
мѣлой, розовой свѣтокъ!
Не забудь, мѣлой, подарокъ,—
мой батистовой платокъ.
50. Моѣ гладинько колечко
знаю, гдѣ потѣрено:
интересному мальчишку
поносить довѣрено.
51. Мѣлой колики рубилъ,
мѣлой садикъ городилъ,
мѣлой с'малинькой тальяночкой
по садику ходилъ.
52. Ты играй, играй, гармошка,
золотые пишишки.
Помени миня, мѣля,
заводивши ниточки.
52. Ты не лай, не лай, собачка,
малинькая дамочка:
дай послушать, гдѣ играетъ
мѣлова тальяночка.
53. Полѣтай-ко, полѣтай,
с'ринькой воробушокъ.
Мо-ѣтъ милинькой поѣтъ,
какъ въ лѣсу соловышокъ.
54. У берѣски я стояла,—
берѣска вянеть на миня.
Хто в'гармонь играть умѣетъ,
тотъ—симпатія моя.
55. Вѣтса, вѣтса крукъ колотса
манинькой воробышокъ,
черно-бровой, черно-глазой,—
ето мой милѣночѣкъ.

56. Какъ на нашой на рѣкѣ—
перехотъ берѣзовой.
Мо-ѣтъ милинькой гуляѣтъ,
какъ свѣточикъ розовой.
57. Сколько звѣздочекъ на небѣ
въ полу-ночной вышинѣ.
Сколько дѣвушекъ на свѣтѣ,—
моей мѣлашки лучше нѣтъ.
58. Много звѣздочекъ на небѣ,
полу-ношной вышинѣ.
Много мальчиковъ на свѣтѣ,—
мѣлова лучше нѣтъ.
59. Черно-бровой, черно-усъ,
полюбила, да боюсь.
Полюбила, врѣзалась,—
былъ бы ношъ,—зарѣзалась.
60. Я люблю, люблю гармонь,
люблю больше игрока.
На гармонь куплю букетъ,
с'игрока сниму патреть.
61. Не свѣти-ко, свѣтокъ алай:
на букетъ сорву тебя.
Не гледи-ко, мой любезной:
на патреть сойму тебя.
62. Всѣ я гласки приглядѣла
на тебя, хорошей мой.
Ис'кармана вынимаѣшь
носовой платочикъ мой.
63. Дожжикъ лей, доджикъ лей,
на миня и на людей.
Я вчараса наглядѣлась
на милѣнка издалей.
64. Золотѣ моѣ колечко
по столу каталоса.
Мое гласки нагледѣлись,
на ково хотѣлоса.
65. Пот'пояшу я Енашу
голубнемъ пояскомъ.
Погляжу я на Енашу
хоть веселинкимъ гласкомъ.
66. Милинькой-усатинькой—
в'рубашкѣ полосатинькой.
Кабы бѣлую надѣлъ,—
на тебя бы все глядѣлъ.
67. Охъ, сорѣка-бѣлобока,
научи миня летать,—
неввысоко, недалѣко,
только мѣлу повидать.
68. Поглядѣлъ бы на мѣлова,
што топерь онъ дѣлаетъ.
В'бѣлой вышитой рубашкѣ
по конторѣ бѣгаетъ.

69. Погледѣлъ бы, погледѣлъ,
што мой милюнькой надѣлъ,—
чорны брюки, пинжачёкъ
и фурашка на-бочёкъ.
70. Я вчара об'ёку пору
у таварки чай пилъ.
Сидѣла милому настрѣчу,
я с'его патреть снялъ.
71. Моё гладиныко колечко
по столу вертѣлоса.
Нагледѣлись мои гласки
на ково хотѣлоса.
72. Золотѣ моё колечко
по столу вертѣлоса.
Погледѣли мои глазки,
на ково хотѣлоса.
73. Мнѣ сказали про милѣва:
(или: ...про милѣнка:)
„худинькой да манинькой“.
Воскресенье нагледѣлась:
(или: Погледѣла в'воскресенье;
или: А сама какъ посмотрѣла:)
какъ свѣточикъ алинькой!
74. У варотъ стоять саночки,
дубовой полозёкъ.
Я за то люблю мальчишка,
што пошшуривать глазёкъ.
75. Хорошо берёзонькѣ,
которая лозёвая.
Хорошо дѣвчѣночкѣ,
котора чернѣбровая.
76. Хорошо рыбу ловить,
котора ёъ бережку валить.
Хорошо тово любить,
которой самъ заговорить.
77. У ково милѣй какой,
у миня—мастеровой.
Интересная походочка,
не качнѣтъ онъ головой.
78. У ково милѣй какой,—
у миня—мастеровой.
Ево модная походочка:
качаетъ головой.
79. Моя мила хороша,
за ней ходять сторожа.
Сторожа сторѣжуютъ
мою милу хорошую.
80. У моей-то у милашки
глаза чорны, какъ у пташки;
разкурносинькой носокъ,
кинарейкинъ голосокъ.
- 81.* Антиресно-ѣтъ мальчишко:
никогда такъ не пройдетъ.
Либо губки на улыбокѣ,
либо глазиномъ мигнѣтъ.
- 82.* Завлекательныя гласки
завлекли отъ самой Паски.
Заразительныя очи
заразили с'тѣмной ночи.
83. Моя мила—благородна:
никогда такъ не пройдетъ.
Либо губки на улыбокѣ,
а то—гласкомъ поведѣтъ.
84. Утка плавать по водѣ,
кормится песочкомъ.
Не далѣко милой мой,—
только за лѣсочкомъ.
85. Что-то в'Пачѣ всколыхнулось,—
знать утѣнокъ потонулъ.
Что-то дѣвушкѣ икнулось,—
знать милѣнокъ помянулъ.
86. Кто-то, кто-то к'намъ под'ѣхалъ,—
незнакомы саночки.
Збруя нѣва, сивой конь,—
неужели милой мой?
87. Я с'початка заправляла,
и початочекъ упалъ.
На милѣнка заглядѣлась,
какъ милѣнокъ пробѣжалъ.
88. Кину-брошу пустяки,
возьмуса за порятки.
Милой корпусомъ пройдетъ,—
челнокомъ пушшу в'запяти.
89. Пава ходить, рѣчь разводить,
не скупится во словахъ.
У Олѣны серцо бѣтса,
не плетутся кружова.
90. Ушѣ я жала рошѣ высоку,
жала не лѣнилася.
Увидала я милѣнка,—
в'лицо измѣнилася.
91. Жала я узинку полоску,
жала ни лѣнилася.
Увидала я милѣва,—
в'лицо измѣнилася.
92. Вѣтерочикъ—не кусточикъ
поперѣкъ дорожиньки.
Увидала я милѣнка,—
потѣосились ножиньки.
93. Я крозь улицу иду,—
ношки подгибаются.
Мою милую катають,—
серѣшки колыхаются.

94. Вдоль я улочки иду,—
ножки подгибаются.
Я дѣвчѣночку люблю,—
люблю не отпираюся.
95. Витерочикъ на кусточкѣ
поперѣкъ дорожинки.
Увидала я милѣва,—
подкосились ножинки.
96. Я крозь улицу иду,—
ножки подгибаются.
Увидалъ свою милѣю,—
серце разрывается.
97. Золото моё колечко,
голубѣ печаточка.
Раздробила моё серце
на ремнѣ дву-рядочка.
98. Мнѣ не пѣтса, не глотается
холодной кислой квасъ.
Чижелѣхонько вздыхается
всѣ, милинькой, об'васъ.
99. Ой, дѣвченка, ой, йой, йой!
Въ чѣрной тройкѣ милой мой,
механической картусъ,
ко мнѣ подходит не канфусъ.
100. Какъ у насъ в'середнемъ полѣ—
ѣлочка зелѣная.
Мо-ѣтъ милинькой красивъ,—
вертуха бѣдовая.
101. У Павлѣ-то в'канторѣ
есъ крапоной верстачокъ.
Можетъ, милой сидитъ-пишетъ,—
на нѣмъ чорной пинжачокъ.
102. У Дорѣднова в'канторѣ
лакомъ крытой верстачѣкъ.
За нимъ сидитъ милой, пишетъ,
на нѣмъ черной пенжачѣкъ.
103. В'полѣ камишокъ бѣлѣтса:
бѣлѣ ево нѣтъ.
Милой в'трѣбѣчку одѣнетса:
милѣ сердцу нѣтъ.
104. Не любила чаю пить,—
любила по-воду ходить.
Ешшо больше уважала
с'контористамъ говорить.
105. На рѣкѣ на Талицѣ
купались двѣ красавицы;
косы завиты назатъ,—
не могъ красавицы узнатъ.
106. Погледѣлъ бы в'ту кантору,
гдѣ хорошіе сидятъ.
Не открыто ли окошко?
Хоть бы травкой покидатъ.

107. У миня милѣнокъ есъ,
онъ—в'канторѣ, а не здѣсь.
Онъ в'почетномъ дому,
каждой кланятса ёму.
108. Чай пила ис'ковшича,
любила я канторшичка.
Чай пила ис'чистова,
любила я фарсистова.
Чай пила из'новава,
любила черно-бровова.
109. Погледѣлъ бы, погледѣлъ,
што твой миленькой надѣлъ.
Мо-ѣтъ миленькой хорошъ,
а я его обую изъ резиновыхъ
калошъ,—
в'лапоточки обую.
110. Намъ картошка—не харчи.
Насъ и любить не ткачи,—
не ткачи-проборшички,—
Дорѣдноски канторшички.
111. Я посѣяла гороху,
полюбила я Олѣху.
А Олѣха паренъ бравой,
развесѣла голова.
Развесѣла голова—
я косыночку дала.
112. Давай, таварочка, сошьѣмъ
одинокѣ платъя.
У насъ милые с'тобой—
какъ родные братья.
113. Хорошо траву косить,
которая зелѣная.
Хорошо дѣвку любить,
которая весѣлая.
114. Двѣ берѣзки завилѣса,
третья—закудрявилѣса.
Я и самъ себѣ дивлюся,
какая дрянъ пондравилѣса.
115. Лѣтъ семнатцати мальчишко,—
всѣ порятки знаѣтъ:
пѣтъ вино, курить табакъ,
з'дѣвушкамъ играѣтъ.
116. Не шуми, бѣлѣ берѣза:
безъ шумленія широка.
Не редѣся, моя мѣла:
безъ наряду хороша.
117. Ты, милѣнокъ, не форси,
пенжакъ внаиктку не носи.
Надѣвай-ко врукава,—
твоя удала голова.

118. Винограду в'саду много,—
садовникъ ухаживать.
Чернобровинькой мальчишко
уваженья спрашивать.
119. Милой мой, не пей вина;
хорошинькой, люби миня.
—Милая, не буду пить;
хорошая, буду любить.
120. Шолъ я полѣмъ молодець,
бѣтъ милашичку отецъ.
На-те, дядя, сто рублей,
мою милочку не бей.
121. Шолъ я полѣмъ, видѣлъ горе:
пашѣтъ милая моя.
„Богъ на помочъ тебѣ, милая!“,—
заплакала она.
122. На горѣ-то—виноградъ,
подъ горой-то—вѣтки.
Мо-ѣтъ милой—чиботарь:
здѣлаетъ барѣтки.
123. У ково милой такой,—
у миня—мастеровой.
Вѣтъ сабожникъ молодой—
ека милая походочка!—
качаетъ головой.
124. На батистовомъ платочкѣ
вышью наугольничекъ.
Какъ у Сидорова в'канторѣ
живѣтъ полюбовничекъ.
125. У милова домъ—кантора,
подъ окошкомъ—лавочка.
Миня сушить-завлекаетъ
интереснай Ванечка.
126. Чай пила ис'под'окошечка,—
полюбила я конторшичка.
Чай пила-то я из'новава,—
полюбила черно-бровова.
127. Полюбила Саньку я,
у Саньки—мельница своя,—
мельница да кузница.
Какой мальчишко умница!
128. Напо полѣ с'милымъ рядомъ,
напо—колосистѣ.
Милой станеть со мной рядомъ,
онъ—миня форсистѣ.
129. Милой—по морю на лодкѣ,
а я—бѣрежкомъ пѣшкомъ.
Милъ в'сатиновой рубашкѣ,
под'поясанъ ремешкомъ.
130. Милой в'городѣ гуляетъ,
а я—в'Якольскомъ селѣ.
Милъ на тройку выбираетъ,
а я—чѣрну шаль себѣ.

131. Мо-ѣтъ милинькой гулять
в'майскомъ дипломатѣ.
Я дѣвонка не видала,—
спала на кроватѣ.
132. Што за сонцо, што за красно,—
крозъ башмачки ношки жѣтъ.
Што за милой, за хорошей,—
вечеркомъ подолгу ждѣтъ.
133. С'десяти часовъ со смѣны
антиресно погулять.
Обѣщалса мой милѣнокъ
до квартиры провожать.
134. С'десяти часовъ со смѣны
завлекательно ходитъ:
(или: замѣчательно ходитъ:)
Обѣщался мой любезной
до квартиры проводить.
135. Во садочкѣ голубочки
будѣтъ налеталиса.
Мы—не часъ вчера с'милымъ,—
досѣта нагулялися.
136. Осьмой часикъ на доходѣ,
ис'канторы милъ проходить.
Надѣваетъ дипломатъ,
собираетса гулять.
- Праву руку подаѣтъ,
гулять на линію зовѣтъ.
137. Стояли с'Мишинькой под'
вишинкой,
гуляли по рѣкѣ.
Сорвалъ Мишинька двѣ вишинки,—
ростаяли в'рукѣ.
138. Всѣ свѣточки разсвѣли,—
алинькова нѣту.
Всѣ-то дѣвушки гуляютъ,—
милинькой-то нѣту.
139. Я сидѣла на лущку,
повѣсила голбушку.
Отчево повѣсила?
—гуляницо не весело.
140. Много, много полушалковъ,—
только нѣтъ коврова.
Много мальчиковъ гуляетъ,—
знаю, нѣтъ которова.
141. На собраньицо я шла
в'дверихъ остановиласа.
Моево милѣнка нѣтъ,—
назатъ я воротиласа.
142. Говорилъ мнѣ милой мой,
говорилъ-наказывалъ:
„Гулять севодни не приду,—
„чорный платъ повязывай“.

143. У качели, у качели,
у качельнова столба,
нѣту счастья никогда:
либо вѣтеръ, либо дошъ,
либо съ качели упадѣшъ.
144. Пойдемъ, таварочка, домой,—
будѣтъ, нагулялися.
Твоево милова здѣсь нѣтъ,
с'моемъ—навидалися.
147. Изломалоса лектричество
во машинѣ паровой.
Слесарямъ работы много,
не придѣтъ милѣй домой.
148. Будѣтъ, будѣтъ, пофорсила,
бѣлы бусы износила,
Бѣлы бусы—какъ горохъ,—
придѣтъ милой нездоровъ.
149. Милый мой, карманный воръ.
— „Пойдемъ, моя карман-
ница.
„Пойдемъ, моя карманница,
„охоча до гуляница.“
150. Не гори, моё жаркое:
я бульону подолью.
Не тоскуй, моя милая:
вечеркомъ к' тебѣ приду.
151. Волга-матушка глубока,—
всю пройду-промѣрю.
Не далѣко моя мила—
вечеркомъ я збѣгаю.
152. Шача-рѣчка не величка,—
я пройду, промѣрю.
Мой-то милой—недалечко,—
живо къ нему збѣгаю.
153. Што-то нонче за жара,—
вся привяла губина.
Ходи, милой, не стѣсняйся,
одново люблю тебя.
154. Я по улицѣ иду,
собаки лають на бѣду,
(или: собаки лають на бѣгу,)
Онѣ лають,—про то знаютъ,
что я к' миленькой иду.
155. На широкой полосѣ
жала я, торопилася,
Все к' любезному дружку
в' гости торопилася.
156. Вдоль деревни я пройду,
я пройду-проухаю.
У милашки под' окошкомъ
зонтикомъ постукаю.

157. Мнѣ хотѣли запретить
вдоль Толпыгина ходить;—
стѣну каменну пробью—
вдоль Толпыгина пройду.
158. Погляди-ко-те, дѣвчѣнки,
не горить-ли банька?
Не придѣтъ-ли погулять
интересный Санька?
159. Возьму мыльцо, пойду мытца
на Толпыгинску рѣку,—
не увижу ль я зазнобу
со крутова берешку.
160. Возьму мыло, пойду мытца
я на Шачу на рѣку.
Не сидитъ ли мой любезной
на крутомъ берегу.
161. Полуночна звѣздочка,
скажи ты, гдѣ бесѣдушка?
— Бесѣдушка—в' томъ краю,
у милѣнка на дому.
162. За рѣкой огонь горить,
милашка кашницу варить.
А я думалъ, што пожаръ,—
схватить тальянку побѣжалъ.
Оступилса в' ямочку,
расшипъ гармонь-тальяночку.
За рѣкой огонь погасъ,
милашка кашицы подасть.
163. Я стояла у калиточки
и бѣлила бѣлы ниточки.
Я бѣлила-то бѣлѣхонько,—
придѣтъ милюшкой хоро-
шинькой.
Ему личико надуло вѣтиромъ.
„Раскрасавица, попой миня
чайкомъ“.
Напоила чайкомъ съ мяточкой,
обложила сердце ваточкой.
Распроводила далѣконько
за двѣ рѣчиньки за быстрые,
за ручайки-то ли за чистые.
164. Што ты, миль, ко мнѣ не ходишь?
развѣ рѣчка глыбока?
Што гостинчиковъ не носишь?
развѣ бѣднось велика?
165. Кто-то полюшкомъ идѣтъ,
тросью упирается.
Ни ко мнѣ ли милой мой
в' гости пробирается.
166. Ужъ ты, милая моя,
встрѣтъ во полюшкѣ миня.
Встрѣтъ во полѣ во пути,
пол-бутылочки купи.

167. (Эхъ), ты берёза, ты берёза,
золотá прутиночка!
Пожалѣй меня, милáшка,—
я вѣдь сиротиночка!
168. Черви, бубны, утре, будни,
жалко праздни́къ прошолъ.
Жалко милова дружочка,—
ко мнѣ в' гости не пришолъ.
169. Воскресенье вечеркомъ
ланпочка горѣла.
Што ты, милой, не пришолъ?—
Я тебѣ велѣла.
170. Што ты, милой, не пришолъ,
коли я велѣла?
Я всю ночку не спала,
ланпочка горѣла.
171. Кабы не было погоды,—
не валилъ бы бѣлой снѣгъ.
Кабы не было зазнобы,—
не пошла бы в' тотъ конецъ.
172. За рѣкой огонь горить,
милáшка кашину варить.
А я думалъ, что пожаръ,
взялъ тальянку, побѣжалъ.
173. Чайникъ—новой, сто-рублёвой,
самоваръ-то—двѣста.
Всю недѣлю—с' милой врозь,
воскресенье—вмѣстѣ.
174. У милѣнка я былá
з' земляничкой чай пила.
Чай пила я для смѣху,—
всѣ считали за сноху.
175. Чайникъ чистой, чай душистой,
кипячёная вода.
Милой рѣжотъ лимонъ свѣжой:
„Кушай, милочка моя!“.
176. Чайникъ—чистой, чай—душистой,
кипячёная вода.
Лимонъ свѣжой милой рѣзалъ:
„Кушай, милая моя!“.
177. На окошкѣ стоитъ розанъ,
ва другомъ—стаканъ с' во-
дой.
Лучше с' маминькой ростанусь,
чѣмъ, милинькой, с' тобой!
178. Екай страмъ табакъ курить!
Ека горечь вино пить!
Ека слатось сахаръ ѣсь!
Ека радость с' милой здѣсь!
179. Сколько я пожилъ—водки непилъ.
Мила приневолила,
Мила приневолила—
подопьяна надбила.
180. Ужъ ты, милая моя,
купи бутылочку вина,
Купи болѣ—люби долѣ,
будь сударушка моя.
181. Милинькой, хорошинькой,
купи канфетку с' баронькой.
Мы канфеточку съѣдимъ,
на патретикъ поглядимъ.
182. Милинькой, кудрявинькой,
купи конфетку з' барыней.
Хоть не дорого давай,
да с' патретомъ выбирай.
183. Вы спросите,—я скажу,
пошто въ прядильну хожу:
частихъ пѣсенокъ попѣть,
на милова поглядѣть.
184. Я у Коли в' коридорѣ
посчитала лѣсинокъ.
По Колиной гармошкѣ
я попѣла пѣсинокъ.
185. Пѣсни пѣть я ни горазда,—
заставляеть милой мой.
Сядетъ рядомъ и—с' гармошкой,
(или: Самъ в' гармошку заиграеть,—),
скажеть: „Милая, запой!“.
186. Што не вѣтеръ вѣтку клóвнть,
не дубравушка шумить:
мальчикъ дѣвку-чернобровку
в' лѣсъ за ягодамъ манить.
187. Пойду, выйду на дубравку,
гдѣ прохладный вѣтерокъ.
Парень дѣвку-чернобровку
вдоль по улицѣ ведётъ.
188. Не ходи-ко ко мнѣ садомъ,
не садиса со мной рядомъ,—
сятъ к' таваркѣ, не ко мнѣ,
таварка скажеть послѣ мнѣ:
она—моя любимая,
расскажотъ всё про милова.
189. Кукуреку пѣтушокъ
среди болота.
Приди, милой, побывать:
поглядѣть охота.
190. Ахъ ты, пѣсня-пѣсенка,
есть на печку лѣсенка;
Приходи миня искать,—
я тамойко буду спать.
191. Засвѣчу я свѣчу салну,—
пойду к' милому во спальну.
Засвѣчу я восковую,—
разбужу и поцолую.

192. Мой милёнок—ни телёнок:
давай цѣловатся.
Тятка в' ригѣ, мамка в' банѣ,—
нѣково боятса.
193. Волга дълга и ширѣ,
Волга—тонинькой лёдокъ.
Цѣловаль свою милашку,—
гушки слѣтки какъ мѣдокъ.
194. Какъ Толпыгино-сѣло—
улица садовая.
Хотѣль дѣвчѣнку обмануть,—
она сама бѣдовая.
195. Свѣтитъ мѣсець, какъ цѣлковой.
а звѣзда,—какъ четвертакъ,
Мо-ѣтъ милинькой ростѣпа:
сидѣль рядомъ, ушолъ такъ.
196. Вотъ какъ милая моя
мнѣ вѣдь денежку дала;
„И за ету денежку
„полюби миня ты дѣушку“.
197. Моя мила чисто жнѣтъ,
аккуратно вяжетъ;
Поцѣлуеъ, обоймѣтъ,—
никому не скажетъ.
198. Ой, милашка, цвѣтикъ мой,
цвѣтикъ огурешной,
пожалѣй миня разокъ,—
я не вѣковѣшной.
199. Я рябинушку ломала,
на окошко кисти клала.
Я подамъ милѣму вѣсь:
„Приходи рябину ѣсь“.
200. Я рябинушку ломала,
на окошко кисти клала.
Посылала друшку вѣсь *):
„Приходи рябину ѣсь“.
201. Послѣдней разъ, послѣдней часъ,
остальной прасничокъ **) у
насъ;
Мы зароемся в' соломушку,—
не найдете вы насъ.
202. Ой, милашка, душичка,
дай погладить брюшничко.
Лажись под' осинушки,—
я поглажу спинушки.
203. Тыкаласа, потыкаласа,—
не хочется унасъ.
Мальчик-отъ на дѣвушку
стараецца понасъ.
204. У полѣнницы у дровъ
случилоса любовь.
Какъ про ету про любовь
только знаетъ одинъ Бохъ.
205. Всѣмъ дѣвчѣнка хороша,
только—угли на лицѣ.
„Послѣ чаю простудилась
„я с' милѣнкомъ на крыльцѣ“.
206. Моя милка—на горѣ,
а я—подъ горою.
Её ищутъ с' фонарѣмъ,
а она—со мною.
207. Милой, милой, милой мой
уговариваль зимой,—
ночи тѣмные осеніе
простаиваль со мной.
208. У колѣбчика зимой
уговариваль милѣй,—
клелса небомъ и землѣй:
„Будеъ, милая, за мной“.
209. Что ты, милѣй, чай не пѣеъ?
али любить миня не хошеъ?
—Я любить-то ничево,
„да раставатся чижело“.
210. Трудно, трудно зажинатьца
на широкой полосѣ.
Трудно, трудно раставатца,
когда дѣвчѣнка—по душѣ.
211. Што-то в' полѣ шевелится
меленка ворѣчатса.
Надо съ милымъ раставатса,—
ой, какъ мнѣ не хочется!
212. Свистить свистокъ на смѣну,
закипѣла во мнѣ кровь,
закипѣла во мнѣ кровь,
съ милашкой кончилась лю-
бовь.
213. Винограъ в' саду поспѣль,—
ягоды валятса.
Какъ съ милѣнкомъ не сиди,—
надо раставатса.
214. Гдѣ съ милашкой мы стояли,—
снѣкъ ростаяль до земли.
Я с' милашкой распростилса,—
ручѣмъ слѣзы потекли.
215. Помнѣ милка плакала,
фартужокъ окапала.
Когда вышли на морозъ,
у ней фартужекъ замѣрзъ.
216. Чайникъ, чайникъ, чайничокъ,
пріѣхаль мой начальничокъ!
Золотая чашичка,—
прощай, моя милашичка!

*) Т. е. вѣсть.

**) Т. е. праздничекъ.

217. Я навось в' полё возилъ,
по дорожкѣ путался.
Я, холостинькой мальчишка,
до чего достукался.
218. Будётъ, будетъ, покатался
я на ворономъ конѣ.
Будётъ, будетъ, пошатался
по своей я сторонѣ.
219. Ты, таварка, пѣсни пой:
на тебѣ платокъ чужой,—
новой, необрубленной,
потихоньку куленной.
220. На батистовомъ платочкѣ
вышью наугольничекъ.
Знаю, знаю гдѣ работать
тава, ланъ полюбовничекъ.
221. Одѣвайся, одѣвайся,
малиновой кустикъ.
Мо-ётъ милюшкой умёнъ
славы не пропуститъ. *)
222. Не далёко миль живётъ,—
побывать не ходить.
Знаю, миль миня жалѣтъ,
отъ рѣчей отводить.
223. Не ходи, милдой, горой,
не качай ты головой:
станутъ люди замѣчать,
што гуляю я с' тобой.
224. Милицькой Натолечка
постоялъ недолочко.
У васъ—огонь, у насъ—погасъ,
увидать,—заругаютъ насъ.
225. Я у милово была,
чай с' канфетами пила,—
безо всяково смѣху:
мина считали за сноху.
226. Я наѣхну платѣ бѣло,—
товарка не указывай.
Придѣтъ милой рядомъ,—
некому не сказывай.
227. Ой, товарка вѣрная,
насмѣяса первая.
Сидишь рядышкомъ со мной,—
сама смѣсса надо мной.
228. В' полѣ—алинкой свѣточикъ,
а я думала—пожаръ.
Ну, какое кому дѣло,
што мальчишко провожалъ.
229. Не плети, товарка, кѣсу,—
не твоя работушка.
За крылечкомъ стоять двое,—
не твоя заботушка.
230. Голубой серпикъ не жнётъ,
ленточкой не вяжотъ.
Штой-то нынче за наротъ,—
чево и не наскажетъ.
231. Штой-то нынче за наротъ:
уложили што сказать!
Бутьто я, дѣвчѣнка вольная,
хожу друшка провожать.
232. Милка моя,
приманилка моя!
Не успѣла приманить,—
стали люди говорить.
233. Я в' Фотушинѣ гуляла,—
з'гульбы пожиньки болятъ.
С' чернобровымъ ходила,—
чернобровымъ корятъ.
234. Пи завидуйте, дѣвчѣнки,
вы сиротскому житью:
Што на улицѣ ни дѣлается—
всѣ валѣтъ на сироту.
235. Не шуми, бѣла берѣза:
безъ шумленія листь опалъ.
Не судите, добры люди,
безъ сужденія миль отсталъ.
236. Я хотѣла быть угрюма,
не хотѣла пѣсни пѣтъ.
Не хотѣлось худой славушки,—
приходится терпѣтъ.
237. Всѣ-то ёлечки, берѣски
по порядочку стоятъ.
Про миня ли про младенку
понапрасну говорятъ.
238. Я в'плетала, в'плетать буду
в' кѣсу ленту красную.
Я терпѣла, терпѣтъ буду
славушку напрасную.
239. Милой, милой, милой мой,
третьей годъ корятъ тобой.
Любятъ люди, а не я:
худая слава про миня.
240. Болить ручинька в' кисти,
завежитѣ пальчикъ.
Что хотитѣ—говорите,
по душѣ мнѣ мальчикъ.
241. Косила я на навинѣ,
в' сарафанѣ маминѣ.
Об' милѣнковы дрова
сарафанъ изорвала.
242. Миленькой милѣночекъ
построилъ новой домичекъ.
Онъ построилъ подрубилъ,
меня навѣки загубилъ.

*) т. е. не пуститъ худой славы про меня.

243. Мой батистовой платокъ
по лугу валется.
А мальчишко—дрянь какой—
мною ухвалется.
244. Во зелёной ропицѣ гуляла,
не румяна,—блѣдная.
Вольна пташичка пропѣла:
„Пропадѣшь ты, блѣдная“.
245. Кто читать-писать умѣетъ,—
тотъ в' кантору попадѣтъ.
Кто прикашишка полюбитъ,—
тотъ навѣки пропадѣтъ.
246. Пот' кошоная травиночка
не можетъ разцвѣсти.
Набалованъ дѣвчѣночка
не можетъ честь вести.
247. Я милашичку любилъ,
ей подарочекъ сулилъ.
Посудить-то—посулилъ,
а купить-то—не купилъ.
248. Золото моё колечко
по дорожкѣ катится.
Надо мной милой смѣется,
просмѣется,—хвалится.
249. Напла лозовую берѣзку:
можно вѣнички ломать.
Нонче вѣтренки мальчишки:
всѣ умѣютъ заблевать.
250. Не шуми, осипа злая,
не мѣшай грибамъ расти.
Оканфуженная дѣвушка
не будетъ на-честь.
251. Всѣ-то ёлочки, берѣзки,—
всѣ порядочкомъ стоять.
Не про нашихъ ли дѣвчѣнокъ
худыя рѣчи говорятъ?
252. Всѣ подружки шьютъ подушки,
а мнѣ надо—дипломатъ.
Всѣ подружки идутъ замужъ,
а мнѣ надо погулять.
253. Дѣвушки, красуйтесь,
въ дѣла бабьи не суйтесь.
Бабья жизнь не красота,
только сердцу сухотъ.
254. Сняла маминька икону,
и даётъ мнѣ целовать.
Я заплакала сказала:
„Дай годочикъ погулять“.
255. Я рябинушку ломала,
мнѣ сказали: „Зеленá“.
Ко мнѣ сваты прѣѣжали,—
имъ сказали: „Молодá“.

256. Я рябинушку ломалá,—
мнѣ сказали: „Зеленá“.
Ко мнѣ сватался прикашишкѣ,—
отказали: „Молодá“.
257. На колечкѣ—два словечка,
на сердечкѣ ай да, да,
на сердечкѣ ай да, да—
не вѣнчаетъ: молодá.
Милѣнку двадцать первый готъ,
а мнѣ сѣмнадцатый идѣтъ.
258. Я трековую жекеточку
повѣшу у дверей.
С' милымъ попъ не обвѣнчаетъ,—
обвѣнчаетъ анжерей.
259. Сошью майскую жекеточку,
повѣшу у дверей.
Если попъ не обвѣнчаетъ,—
обвѣнчаетъ анжерей.
260. Вольну пташку не изловишь,
её в' руки не возмѣшь.
Ну, конечно, не узнаёшь,
куда замушъ попадѣшь.
261. В' лѣсѣ пташку не изловишь,
её в' руки не возмѣшь.
Ну, конечно, не узнаешь,
куда замушъ попадѣшь.
262. Солнце грѣетъ лучше печи,—
нашто намъ печь топить.
Жалѣетъ милой лучше мужа,
намъ пошто замушъ ходить.
263. На вѣточкѣ зелѣнипкой
увянетъ огурецъ.
Молодиньку дѣвчѣночку
поставятъ под' вѣнецъ.
264. Не въ послѣднѣ ли гуляю,
в' гору по-воду иду?
Не послѣдней ли годочикъ
русу косоньку плету?
265. Я на ози́ми стояла,
с' озимью прощалася:
„Прощай, озимь и лужокъ,—
„прощай, миленькой дружокъ“.
266. Купи, маминька, на платьѣ
ситцу полосатова.
Приди, милой, погулять,
пока ни засватана.
267. Моя мама рано встала,
свѣтокъ рано сорвала.
Мое шалости узнала,
рано замушъ отдалá.

268. Ни завидуйте, дѣвчѣнки,
моей кофть красинькой.
Знать судьба моя такая,
што мнѣ быть за Сашинькой.
269. Неужели ето збудетса
во попишномъ году?
Золотой вѣнецъ надѣнуть
на головушку мою.
В' руки свѣчки дадутъ,
круж' палоя поведутъ.
270. Неужели лѣсу нѣту?
я осинушку найду.
Неужели ребяты нѣту?
сиротинушку люблю.
271. Я сломлю, сломлю
в'полюшкѣ прутинку.
Полюблю я, полюблю
мальчишко-сиротинку.
Сиротинку не спокину,
за него замужъ уйду.
272. Сошью платицо—падето,
назади четыре шва.
Милой свататца прѣдетъ,—
я бы с'радостью пошла.
273. Прогодала я гадалкѣ
бѣло платье с'казачкомъ.
Отгадала мнѣ гадалка:
„Будетъ с'милыемъ законъ“.
274. Милой, счастье потеряешь,—
миня замушъ не возмешь.
Я одинъ годокъ поплачу,
ты—навѣки пропадешь.
275. Ты играй-играй, гармошка,
играй черные мѣха.
Возьму замушъ богомолку,
не отмолишь ли грѣха.
276. У милова новой домъ
стоитъ на пол-день окномъ.
Черезъ годикъ буду в'немъ.
Черезъ годикъ, черезъ два
буду милова жена.
277. Не ругайте миня дома,
что по многу хлѣба ѣмъ.
В' мисоѣдѣ выйду замушъ,—
никому ни надоѣмъ.
278. Не брани, мамка, миня
наживесса без'миня:
поликъ намоесса,
голоскомъ навоесса,
бѣлья настираесса,
миня напоминаесса,
самоварику настависса,
без'миня намаесса.
279. Размѣту я, размѣту
под'окошкомъ горку.
Посажу я, посажу
берѣску да ёлку.
280. Еготъ бѣлинькой платочикъ—
мнѣ не по головкѣ:
в' мисоѣдѣ выйду замушъ,—
подарю золовкѣ.
281. Соловей ты, соловей,
гладинька головушка.
У милова есь сестра,—
будетъ мнѣ золовушка.
282. Сходи, мама, на базаръ,
купи золотые бусы:
выйду замушъ за солдата,
выдержу юсы.
283. У милова подъ окошкомъ
талая земелька.
Я пошла бы нонче замушъ,—
не мила семейка.
284. Ты спроси, милѣй, родителей,
желаютъ ли миня.
Когда невѣсть перебираютъ,
поминаютъ ли миня?
286. Мое личико горитъ,—
знаю, кто миня бранить:
бранить милинькова мать,
во снохи не хочѣтъ взять.
287. У милова плоха хата,—
на што я позарилась?
Всему роду не милѣ,—
милѣму понравилась.
288. Мнѣ жакетки ни шивать,
трековые не нашивать.
Мнѣ за милымъ ни бывать,
парочкой не хаживать.
289. Раскатись моя полѣньница,
не колоты дрова:
за ково замушъ хотѣлоса,—
судьба не привела.
290. Вейса, вейса, руса кѣсонька,
у маминьки родной:
ты успеешь, успеешь
у свекровушки лихой.
291. Я у мамки корки ѣла,—
за работой пѣсни пѣла.
У свѣкрови чай пила,—
за столомъ слѣзы лила.

292. Шла-я поломъ-колидоромъ,
пол-сабошки грѣхали.
В' мясофдѣ замушъ выду.
а вѣсной заохаяу.
От'живу недѣлѣкъ пять,—
какъ бы к' маминькѣ опять.
От'живу недѣлѣкъ семь,—
какъ бы к' тятинькѣ совсѣмъ.
293. Не люби миня, богатой,
когда я не по душѣ.
Не строй каменны полаты,
проживѣмъ мы в'шалашѣ.
294. Вотъ ушла бы нынѣ замушъ,—
нѣтъ по мыслѣ жениха:
либо бѣденъ, либо богатъ,
кой по мыслѣ,—тотъ салдаты.
295. Што мнѣ замушъ торопитса
не за милова друшка.
Лучше в'Шачѣ утопитса
со крутова берешка.
296. Ею горе мушъ Григорій!
Хоть бы хуже, да Иванъ.
Вы не смѣйтса, дѣвчѣнки,
не привѣль бы Бохъ и вамъ.
297. Не ругайте миня дома
за весѣлую гульбу:
отойдѣтъ такое время,—
посылайте,—не пойду.
298. Миня дома-та ругаютъ
за весѣлую гульбу.
Придетъ времичко такое:
посылайтѣ,—не пойду.
299. Ни кокушничка кокуетъ,
ни соловушокъ поѣтъ,—
родная маминька горюетъ:
дочка по-людямъ живѣтъ.
300. Хорошо было сидѣтъ
с'милымъ на завалинкѣ.
Каково было гледѣтъ
маминькѣ в'окошничко!
301. Миня дома-та ругаютъ:
„Съ милѣночкомъ знатса“.
А я с'сѣринькимъ глазамъ
не могу рогатса.
302. Миня маминька ругаетъ
за друшкѣ за милова.
Не отвѣчу родной мамѣ
словечка единова.
303. Маминька ругаетса
„Куда платки дѣваются?“
Неушто не здогадается,
чѣмъ милой утирается.
304. Миня дома-та ругаютъ,—
позно вечеромъ хожу.
А про то онѣ не знаютъ,
што с' карѣхтернымъ сижу.
305. Не ругайте меня дома,
меня нѣ за что ругать:
Я—дѣвчонка молодая,
мнѣ охота погулять.
306. „Ты збираесса гулять,“
говорила дочкѣ мать.
„Нѣтъ, нѣтъ, ни ходи,
„поздно вечеромъ с'двора“.
307. Наши ужинать садятца
сумлеваютца об'насъ,—
„Гдѣ-то буйные головушки
„шатаютца у насъ“.
308. Дома ужинать садятца,
сумлѣваются об'насъ:
„Гдѣ отчаянны головушки
„шатаются у насъ“.
309. Буду рвать свѣточки алы,
за снѣбя буду кидать.
Приди милинькой,—послушай:
за тебя будутъ ругать.
310. Маминька, мамашинька,
не ругай за Сашиньку.
Погляди, мамашинька,
хорошой мальчикъ Сашенька.
311. Маминька, мамашинька,
ни брани за Сашиньку.
Маминька, мамашинька,
хорошой мальчикъ Сашинька.
312. Открой, маминька, окошко,
пушшай дуѣтъ вѣтерокъ:
заиграетъ миль в'гармошку,
пусъ наноситъ голосокъ.
313. Отгонь, маминька, собачку
от' окошка дамочку.
Дай послушать, гдѣ играетъ
милинькой в' тальяночку.
314. Ты, мамаша старая,
самоваръ поставила.
Не успѣла скипятить,
ужко мнѣ милинькой катить.
315. Говорила мамамнѣ,
вакогда сидѣли в' домѣ двѣ:
„Не влюбляйся, моѣ дитятко,
„знаешь не правый онъ тебѣ“.
316. Я надѣну платьѣ бѣло,—
мать мнѣ не указывай.
Пойду съ милымъ гулять,—
тятинькѣ не сказывай.

317. Говорила я мамашѣ:
„Чаю не заваривай.
„С' кѣмъ сидишь—такъ сиди,
„со мной не разговаривай“.
318. Миня маминька за милова
верёвкой хочетъ бить.
Выду въ сѣнники, потопаю,—
по нихнему не быть.
319. Зимой зѣвили погоды,—
лѣтомъ зѣлило дожжамъ.
Какъ талыгинскихъ дѣвчѣнокъ
за робятъ порють вожжамъ.
320. Не зачосывай зачосы,
нинаглядная моя:
за твой гладкй зачосы
бють молодчика миня.
321. Не зачѣсывай зачѣсы,
чернобровая моя:
за твой глаткй зачѣсы
бють молотчика меня.
322. Болить, бѣлить голова
отъ осинова колѣ.
Ноють, ноють косточки
отъ желѣзной тросточки.
323. На мнѣ бѣлинькой платочикъ,
мнѣ-ка милинькой купилъ;
родной тятинька не знаетъ,—
онъ давно бы изрубилъ.
324. Огонѣкъ горить-сверкаѣтъ,
из'окошка в'тотъ конецъ.
Провожаѣтъ миня милой,
и не знаетъ мать-отецъ.
325. Поглежу я в'ту сторону:
летить стадо голубей.
Я с' милѣнкомъ не ростанусь,
хоть ты, маминька, убей.
326. Своємъ бѣлыємъ платочкамъ
два шеста увѣшала.
Будѣтъ, въ дѣвкахъ посидѣла,
маминьку потѣшила.
327. Погледи, мамка, в'окошко:
летить бѣлая сова.
Протерпѣла нонче зиму,—
понапраснутъ слова.
328. Не гледи, мама, в'окошко,
не щипай берѣски.
Выйду замушъ за милова,
не увижу слѣски.
329. Говорила матери:
„Не пойду на вѣтеры“,
говорила на вопросъ:
„Пойду работать на банбрѣсъ“.
Говорила я отцу:
„Работать больше не хочу“.
„Я тому работница,
„с'кѣмъ гулять охотница“.
340. Лежить мамка на печѣ,
а я—на полатяхъ,
Тужить мамка о дѣтяхъ,
а я—об'робятахъ.
341. Погледи, мама, в'окошко:
летить стадо голубей.
Не отстану от'милѣво,
хоть миня, мама, убей.
342. На окошкѣ—два свѣточка,
на другомъ—стаканъ съ водой.
Лучше с' маминькой рѣстатся,
не чѣмъ, милинькой, с'тобой.
343. Тятѣ с'мамой угрожу:
на лѣто мальчика рѣжу,
на лѣто мальчика рѣжу,
милѣнка в'няньки приведу.
Милинькой не водитса,—
со мной всё хоровадитса.
344. Говорила дочкѣ мать:
„На полатяхъ, дочка, лякъ“.
Дочка дѣлать посвому,
устилаѣтъ на полу;
шубой обыгаѣтса,
к'Вахошкѣ подвигаѣтса.
345. Мамкѣ здѣлаю бѣду:
самокруткой убѣгу,
тятинькѣ безъ сватанья,
маминькѣ безъ стряпанья,
всѣмъ подружкамъ бес' хлопотъ,
а мнѣ дѣвущкѣ бес' слѣсъ.
346. Чтѣ ты, тятинька, не женишь?
али денегъ у насъ нѣтъ?
Чтѣ ты сватать, мать, не вѣдешь?
али дѣвокъ про насъ нѣтъ?
347. Ко мнѣ сваты прѣбжжали,
тятка в' полѣ сѣлѣ рошъ.
„Ничего бы дочкѣ замушъ,
„только муж-отъ не хорошъ“.
348. Не шей, маминька, жакетку,—
шей осеннее пальто.
Не пойду тихоньку замушъ,—
есть родители на то.

349. Руби, руби, тятинька,
куда древо клонится.
Отдай, отдай, маминька,
куда замушь хочется.
310. Заплетала русу косу,—
мальчишъ фхаль с' сѣнокосу.
„Погледи-ко, батюшко,
„хорошъ ли будетъ зятюшко?“
351. Я чесала русу косу,—
фхаль милой с' сѣнокосу.
„Погледи-ко, батюшко,
„не твой ли стозятюшко?“
352. Я на тятю и на маму
буду вѣкъ теперь пенять:
дали волю любить Колю,
а теперь—хотять унять.
353. Засвѣчай, мама, огни
идуть промѣливать миня.
Промолили при огнѣ
за ково хотѣлось миѣ.
354. Ково люблю я, уважаю,
за тово дома браняю.
Ково я в' жизни ненавижу,—
под'вѣнецъ ставить хотять.
355. Поигралъ бы я в' гармошку,—
права ручинька болить.
Взялъ бы замушь я милашку,—
тятка с' мамкой не велить.
356. Вы не шейтѣ жакетку майску,
шейтѣ длинное пальто.
Не пойду тихонько замушь,—
есь родители на то:
Вы родители-губители,
губительница-мать:
за ково хотѣлось замушь,
не могли миня оддать.
357. Кто бы, кто бы здогадался,
нашу фабрику сожокъ:
покамъ новую-то строить,—
поживу дома годокъ.
358. Я у маминьки жила,—
головка гладкая была.
В' нянечки попаласа,—
головка растрепаласа.
359. Маменька не родная—
похлѣбочка холодная.
Кабы родная была—
щець горячихъ налила.
360. Купи, маминька калоши,
я годокъ потѣшаю.
Неужели тебѣ, мама,
я не заработаю?

361. Не вино миня мотаетъ,—
миня горюшко берётъ:
тятка в' ызбу не пускаетъ,
мамка хлѣба не даётъ.
362. Не вино меня качаетъ,—
меня горюшко берётъ;
Тятка в' ызбу не пускаетъ,
мамка хлѣба не даётъ.
363. Я работала-полола,
услужить тятѣ хотѣла.
А какъ времичко прошло,—
вся работа не во што.
364. Я работала-потѣла,
порачить братьямъ хотѣла.
Чересъ ето вышло штѣ?—
моя работа не во што.
365. Буду пить холодну воду
ис' фабришнихъ кубовъ.
Хто завѣлъ такую моду—
распроклятую любовь!
366. Не завидуйте, дѣвчѣнки,
вы наряду моему:
полюбила я мальчишка,
а не рада ничему.
367. Ну, понятно, серцу тошно,
если в'любисса в' ково.
В'любитеся можно одномъ часомъ,
да ростатса чижело.
368. Милой мой, моя отрада,
я сердита на тебя.
Жизни я топерь не рада,
што влюбилаца в' тебя.
369. На горѣ стоить аптека,
любовь сушить человекъ.
Не любила—была бѣла;
полюбила—поблѣднѣла.
370. Ни деревня миня сушить,—
миня сушить крайной домъ.
Миня сушить крайной домъ,
тутъ живётъ любезной мой.
371. Какъ подъ Сашин'отъ я домъ
подолью воды со льдомъ.
Обо миѣ Саша не думать,
а я высохла об'немъ.
372. Не одежда миня грѣть,—
грѣть маминькина кровь.
Не работа миня сушить,—
сушить милова любовь.
373. Ты, крапива некрасива,
изожгла нонче миня.
Чернобровинькой мальчишко
годомъ высушилъ миня.

374. Будеть, будетъ, поревѣла,
полила горячихъ слёсъ.
Никого была не хуже,—
иссушилъ паршивой пѣсъ.
375. Кабы, милинькой, не ты,—
была бы я безъ сухоты.
Пришла бы я с'работушки,
лёгла бы без'заботушки.
376. Закажу себѣ баретки
и щегрENEвы носки.
Миня лечать от'простуды,—
я хвораю от'тоски.
377. Нѣтъ такой милѡй подружки,
какъ пуховою подушки:
Я поплачу, порѣвѣ,—
она не скажетъ некому.
378. Соловей сидитъ на вѣткѣ,
утка плавать наводѣ.
Погледи-ко, мой любезной,
какъ я сохну по тебѣ.
По тебѣ, Волюшинька,
сохнеть во мнѣ душинька.
379. У милѡва—нѡвой домъ,
тѣсово крылечко.
Какъ загляну на новой домъ,—
заболитъ сердечко.
380. В' Киселѣвѣ на вокзалѣ
повсегда огонь гарить.
По хорошинькой дѣвчѣнкѣ
повсегда сердце болить.
381. Опузу колечко в'рѣчку,
а печаточкой ко дву.
Колечко тонетъ, не горить,—
сердечко ностъ и болить.
382. Погаситѣ ету ланпу:
понапрасну свѣтъ горить.
Разлучитѣ насъ с'милѣнкомъ,—
лучше сердце не болить.
383. Чернѡбровая зазноба
довѣла миня до грѡба.
Чѣмъ до грѡба доводить
лучше брось миня любить.
384. Милинькой зазнобинка
довелъ миня до грѡбика.
Чѣмъ до грѡба доводить,
лучше брось миня любить.
385. Пропадай, мой тѣлега,
всѣ четыре колѣса.
Догорай, моя лучина,
догорю с'тобой и я.
386. Пойте, дѣушки, припѣушки,
а мнѣ ни до того.
Сидитъ мальчикъ через'дѣушку,
болить сердце моѣ.
387. С'горки на гору иду,
колечко на воду кладу.
Колечко тонетъ и горить,
сердечко ностъ и болить.
389. Золотѡ моѣ колечко
позно вечеромъ горить.
Ретивѡе мое сердце
только почью не болить.
390. Со здыханьца у дѣушки
бѣлая грутъ болить.
Тѣмной починькой не спитса,
бѣлой день не веселить.
391. Сѣло солнышко за тучи,—
не видать сво в'дыму.
Каждой часъ болить сердечко,—
неизвѣстно не кому.
392. Не кокуй, кокушка, в'лѣсѣ,
не боюсь лѣсомъ идти.
Не играй, милѡй, в'гармошку,
не давай сердцу тоски.
393. Запѣвай, товарка, пѣсню,
я не буду запѣвать:
заболѣло мое сердце,
начинаю тасковать.
394. Поглежу я с'мосту в'рѣчку,—
по песку вода бѣжить.
У миня-то у дѣвчѣнки
дума на сердце лежитъ.
395. Кто бы, кто бы покосилъ,—
я бы повязала.
Кто бы горюшко спросилъ,—
я бы рассказала.
396. Я севѡдни угорѣла
противъ чѣрнова чѣла.
Я милѡва не видала
не севѡдни, не вчара.
397. Што, гармошка, не играешь?
Али тону в'тебѣ нѣтъ?
Што ты, милѡй, не гуляешь?
Али дома тебя нѣтъ?
398. Солнце скрылося за тучу,
не видать сво в'дому.
Разболѣлоса сердечко
неизвѣстно некому.
399. Раскудрявая ерѡнь,
на окошкѣ стой, не вянь.
Есь повянешъ,—я полюбю.
Милъ уѣдетъ,—я помру.

400. Дай-ко, милой, праву руку:
серцо чувствует разлуку.
Серцо чувствует и бѣтса:
гулять больше не придѣтса.
401. Я отъскуки—карты в'руки,
короля червѣннаго.
Ушь я долго ль не увижу
свою черно-бровову.
402. Замѣчательная парочка
мы, милюнькой, съ тобой.
Ты—сторонки, я—другой.
Свиданье рѣткое со мной.
403. Ой, товарки, болить грутъ;
рѣткое дыханіе:
съ милымъ—въ разныхъ корпусахъ—
рѣткое свиданіе.
404. Ой, таварки, тошно мнѣ:
не вижу милова не гдѣ
Потошнѣ мнѣ о томъ:
на разныхъ фабрикахъ живѣмъ.
405. Хорошо дѣвчѣнки вамъ:
в'одной смѣнѣ милой с'вамъ.
Каково мнѣ-ка одной:
у меня милѣй дѣнной.
406. Сохнѣтъ в'полюшкѣ берѣска,
а я—глядя на неѣ.
На миляхъ Лѣнька работать,
я—симпатія ёво.
407. Севонни чаю не пивала,
самоваръ не ставила.
Давно милова не видала,—
миня скука смаяла.
408. Вотъ змутили гуси воду,—
и песочку не видать.
Живѣтъ милюнькой далѣко,
голосочку не слышать.
409. Милой мой, моя разлука,
и платочикъ—у тебя.
Ты возьми платочикъ в'руки
и гляди, какъ на миня.
410. Ни скучай, моя милая,
ты не кидайса въ тоску:
Пришлю денекъ на дорогу,—
пріѣзжай ко мнѣ въ Москву.
411. Дорогая моя Шурочка,
не кидайса въ тоску:
Пришлю денегъ на дорогу,—
пріѣзжай ко мнѣ въ Москву.
412. Какъ мому сердцу не рватса?
ретивѣмому какъ не нить?
Жалко с'милымъ раставатса,
еку яготку забыть.

413. Износила бѣло платѣ
с'бирюзовымъ свѣтамъ.
Я с'милѣнкомъ раставалася,—
заливалася слезамъ.
414. Пизабудочку-цвѣточикъ
безо-время сорвала.
Нинагляднинькой мой милюнькой
уѣхалъ отъ миня
415. Болить, болить моѣ серцо,
но иначе—бѣла грутъ.
Скучно жить мнѣ без'милѣва,
но привыкну какъ-нибудь.
416. Незабудочку свѣточикъ
безо время сорвала.
Интересно-еть *) мальчишничко
уѣхалъ отъ миня.
417. Я кроз'улицу иду,—
иду, я запинаяса.
На милѣва домъ глежу,—
слезамъ заливаюса.
418. Вѣтеръ дуѣтъ, дошнѣ идѣтъ,—
стало быть—ненасье.
Моя мила не со мной,—
стало быть—несчасье.
419. Рас'тоскуюсь, раз'горюсь,—
миня не кому унять.
Возьму вышитой платочикъ,
стану слѣзы утирать.
420. Хорошо, товарки, вамъ:
стоитъ милые передъ вамъ.
У миня у дѣвушки—
на чужой стороншкѣ.
421. Ой кручина, ой кручина,
миня с'милымъ разлучила,—
разлучила, развела
чужа-далняя сторона.
422. Ёшъ, коровушка, соломушку,
не думай об'травѣ.
Мо-ѣтъ милюнькой далѣко,
на чужой на сторонѣ.
423. Рас'тоскуюсь, раз'горююсь,
миня не кому унять.
Былъ бы милюнькой поближе,—
онъ пришолъ бы погулять.
424. В'Киселѣвѣ на вокзалѣ
день и ночь огонь горить.
У милѣнка на могилѣ
кресъ серебряной стоять.
425. В'Киселѣвѣ на прядильной
день и ночь огонь горить.
У милашки на кладбишкѣ
кресъ серебряной стоять.

*) т. е. интересной-отъ.

426. В'полѣ меленки не мелють,
и толкушки ни толкутъ.
Отъ чего дружка не женять?—
всѣ в'салдаты бирѣгутъ.
427. Какъ я ноще похудала,—
сундука не отпереть.
Од'дадутъ дружка в'салдаты,—
буду кажной день ревѣтъ.
428. Пойду, шхожу пѣ-рѣку,—
палонаюсъ чаю.
Повезутъ дружка в'салдаты,—
всѣ причѣты знаю.
429. Я на жердочку погой,—
жерка выгнулась дугой.
Повезутъ дружка в'салдаты,—
я за нимъ буду слугой.
430. У пріёмной я стояла,
говорила господамъ:
„Вы не брей-ко-те милѣнка:
„а на смѣну брата дамъ“.
430. Говорила мнѣ товарка:
„Милой замушъ не возмѣтъ“.
Что не будѣтъ,—я дождуса,
ис'салдаты когда придѣтъ.
431. Задушевная таварка,
чѣрну юнку што не шѣпнѣтъ?
Вотъ, симпатію—на призывъ,—
ко пріёмной в'чѣмъ пойдѣмъ.
432. Не умѣлила дѣвица
Вышняя Создателя:
на четыре годика,
видно, об'салдатыла.
433. Что-то въ лѣсикѣ дымитца,—
ѣдетъ чѣрной пароходъ.
Милой в'лодочку садитца,
отправляетца в'походъ.
434. Ой, товарка милая,
отошла намъ линія:
всѣ-то праздники осенни
погуляли мы в'послѣдни.
435. Што, подружка, не весѣла,
какъ голупка сизая?
Али отдали в'салдаты
твое дружка милова?
436. Што-то бѣло пролетѣло,
на моѣ окошко сѣло.
Бѣлая косаточка
осталась я салдаточка.
437. Мы с'таваркой дружно жили
однопарты ковты шили,—
ковточки со складочкамъ,—
осталиса салдаточкамъ.
438. Мово милова забрили,—
при печалѣ домъ стойтъ.
Два открытые окошка,—
не в'которо не гледитъ.
439. Мово милова не стало,—
при печалѣ домъ стойтъ.
Всѣ окошечка закрыты,
не в'которо не гледитъ.
440. Увидала из'окошка
на горѣ высокой сать.
Ниужели ни дождуса
я милова из'солдаты.
441. Из'окошка увидала
на горѣ зеленой сать.
Неужели не дождуса
я милова ис'салдаты.
442. Мнѣ севодни сонъ приснился:
голова воронья.
Мово милова приплютъ
по слабостѣ здоровья.
443. Милъ уѣхалъ, милъ оставилъ
миня кинаречку.
Милъ пріѣдетъ, милъ полюбитъ
в'городѣ евреечку.
444. Спомни, милой, обо мнѣ
въ отдалѣнной сторонѣ.
Хоть не вмѣстѣ будемъ жить,
а письма станутъ намъ служить.
445. В'чисто зеркальцо глежуса
и дивлюся на лицо.
Жду я вѣсточки отъ друга,
не пришлѣтъ ли писмецо.
446. Перекину я бутылку
черезъ высокое крыльцо.
Ни стоскуитса ли милянкой,
пришлетъ мнѣ писмецо.
447. Часто в'зеркало глежуса,
на лицо своё гляжу.
Не стоскуетса ли милой,
не пришлѣтъ ли писмецо.
448. Купи, татинька, ячменцы
сизо-крылымъ голубямъ.
Пришли, милянкой, записку
съ надежнымъ людымъ.
449. Не с'полдентъ ли вѣтеръ дуетъ,
не с'востоку ли несѣтъ?
Не письмо ли милой пишетъ,
не на почту ли кладѣтъ?
450. Напишу записочку
на фабричку мальчишечку.
Напишу я цѣлый листъ
про свою несчастну жись.

451. Милой письмаца писалъ,
на паратно крыльцо клалъ.
Не писалъ мнѣ и не ѣлосъ,—
прочитать всё ихъ хотѣлосъ.

452. Милой в'карточки играётъ,
потерялъ бубновой тусъ.
Таваркѣ письма присылаётъ,
а мнѣ дѣвушкѣ—канфусъ.

453. Полетѣли двѣ вороны
въ разные сторбношки.
Мнѣ милѣя плѣтъ письмо
со чужой сторонущи.

454. Соймись, милой, на патреть,
заверни ево въ канвертъ.
Прилѣпи двѣ марочки,
пришли-ко мнѣ въ подарочки.

455. Износила платье бѣло
[или: износила бѣлу ковту]
Киселёскаво *) шитья:
каждой день хожу по пошту,—
[или:.... на пошту]
жду отъ милова письма.

456. Матушки-воробышки,
летите выше небушка,—
летите выше небушка,
гдѣ живётъ зазнобушка.

457. Писмецо-то я писала,
сиргучомъ печатала.
Милому в'Вильну отсылала,—
сама слёзно плакала.

458. Стой машина! стой вагонъ!
Пошлю милому поклонъ.
Чѣмъ поклоны посылать,—
лучше съѣздить побывать.

459. Стой, машина! стой, вагонъ!
Пошлю милому поклонъ..
Я съ поклономъ подошла,—
машина свистнула-пошла.

460. Сяду дома я на лафку,
на-грутъ руки положу.
До чѣво милой доводить,—
едва по-полу хожу.

461. Сяду в'корпусъ на ящикъ,
ручки к'серцу приложу.
Вотъ, довѣлъ миня мальчишко:
едва корпусомъ хожу.

462. Милая Анюточка,
сидѣть одну минуточку.
Сердечко-камень у тебя:
сидишь—не зглянешь на миня.

463. Я не думалъ и не чаялъ
нынче году пережить.
Только думалъ, только чаялъ
руки на грудь положить.

464. Не съ морозу ли рябина
кисточки повѣсила?
Не съ печали ли дѣвчѣнка
голову повѣсила?

465. Коковали двѣ кокушки
в'полюшкѣ на кáмишкѣ.
Горевали двѣ подружки
по дружкѣ Иванушкѣ.

466. Двѣ кукушки коковали
въ полюшкѣ на кáмишкѣ.
Двѣ дѣвчонки тосковали
по дружкѣ Иванушкѣ.

467. Вы послушайте, дѣвчѣнки:
день и ночь пѣсни пою.
Ну, родители, чай, думаютъ,
што весело живу.
Ну, какая моя жисть,—
хоть живѣ в'землю лажись.

468. Не кокуй, кокушка, в'лѣсѣ
на осинѣ проклятой.
Сять на бѣлую берёзу,
кокуй торькой сиротой.

469. Я не думаю, не чаю
посье годикъ проводить.
Только думаю и чаю
руки на грудь положить.

470. Растоскуюсь-разгорюсь,
миня нѣкому унять.
Выну милова платочикъ,
стану слёзы утирать.

471. На гулянкѣ двѣ тальянки
не утѣшили миня.
Кровать нѣва безъ милова
не привѣтила миня.

472. Боже мой, тоска какая!
Куда бы я дѣвалася!
Если бы милова суди,—
вся бы миновалоса.

473. Ахъ, какая мнѣ тоска,
куда бы я дѣвалася!
Какъ бы милова суда,—
тоска бы миновалоса.

474. Ека, дѣвушки, тоска!
куда бы я дѣвалася.
Какъ бы милово суди;
всѣ бы миновалоса.

*) Т. е. Киселевскаго, изъ Киселева.

475. Соловей сидитъ на вѣтѣ,
утка плавать на водѣ.
Много разъ я говорилъ дѣвчѣнкѣ,
что не сохни обо мнѣ.
476. Што ты смотришь на миня,
таварка, не мигаючи.
Пожалѣй-ко ты миня,
по себѣ гадаючи.
477. Што, таварка, не весѣла,
али нѣ сердѣ печаль?
Не одново ли съ тобой любимъ,
не ёво ли тебѣ жалъ?
478. Будетъ, будетъ пофорсила:
бѣлы бусы поносила.
Бѣлы бусы, какъ горохъ,—
мой милёнокъ не здоровъ.
479. Погледи-ко-те, дѣвчѣнки,
кто-то тонетъ на рикѣ,—
вѣбллой вышитой рубашкѣ
и тальяночка в'рукѣ.
Милой тонетъ-погибаетъ,
а тальяночка играётъ.
480. На высокою горѣ
есть высока ёлочка.
Не повѣрю вамъ, товарки,
что не жалъ милёночка.
481. Я в'лѣсу грибы брала,
понравилася ёлочка.
Не повѣрю вамъ, дѣвчѣнки,
что не жалъ милёночка.
482. Неужели ты завянешь,
травушка полковая?
Неужели не вспомянешь,
мила чернобровая?
- 483а. Неужели ты повянешь,
травонька шелковая?
Неужели ты забудешь,
дура бестолковая?
483. Что-то в'рѣякъ всколыхнулось,—
знать утёнокъ потонулъ.
Что-то дѣвицѣ икнулось,—
знать милёнокъ вспомянулъ.
484. Я работала угрюмо
и гледѣла на часы.
Чево ждётъ моё сердечко,
лучше, милой, расскажи.
485. Неужели не потонетъ
мой платочикъ потной?
Неужели не поманётъ
милой беззаботной?
486. Высоко солнышко взошло,—
ты сіяй, колечко!
Неужели не болитъ
у милова сердечко?
487. У милова на двуряткѣ
сверху новая доска.
Нападай-ко на милово
со всему свѣту тоска.
488. Вотъ посѣю грусъ-тоску
на Толпыгинскомъ мосту.
Мой милёнокъ-отъ пройдётъ,
на него тоска придётъ.
489. Ни на то дано колечко,
што в'коробочкѣ лежать.
Пи тако моё сердечко,
што милёнка уважать.
490. Загранишному платочку
нѣту мѣста в'сундучкѣ.
А мнѣ сволочь-дѣвчѣнкѣ
нѣтъ мальчишка по душѣ.
491. Из'лица я не красива,
з'гласъ, похотки—весѣла.
Черно-бровова мальчишка
я до гроба довѣла.
492. Огоротъ на глинушку
посажу ребинушку.
Завлеку,—любить не буду:
пушай ходитъ зимушку.
493. Дамъ я ходу пароходу,—
будетъ по-морю ходить.
Заколдую я мальчишка,—
будетъ до-вѣку любить.
494. Дайте ходу пароходу:
будетъ по-морю ходить.
Напущу тоску на милова:
засегда будетъ любить.
495. Вѣду юбочку крахмальну
на берёску вывишу.
Я сво-во-то ли милёнка
безъ любви высушу.
496. Ты, милашка, Богъ съ тобой,
не буду гнатса за тобой.
Не буду гнатса за тобой:
у тебя вѣтъ есть другой.
497. День я, день везала,—
день пѣточки ставила.
Интереснова мальчишка
сиротой оставила.
498. Хорошо ли утѣѣ плавать
во холодной водѣ быть?
Хорошо ли тебѣ, милюшкой,
в'разлукѣ со мной быть.

499. Неужели не сольётся,
с'горь не скатится вода?
Неужели не помянетъ
миня мила никогда?
500. Милая сироточка,
посиди минуточку.
Сердечко камено у тебя,—
сидишь—не зглянешь на миня.
501. Ты, милашичка моя,
сердце—камень у тебя.
Сердце—камень у тебя,
сидишь—не зглянешь на миня.
502. Чтой-то нынче за цыплята:
сыплю, сыплю—не клюютъ.
Чтой-то нынче за дѣвчѣнки:
обесчаютъ, да нейдутъ. *)
503. Опушу колечко с'горки,—
пуцай покатается.
За милѣнка замушъ не пойду я,—
пуцай попатается.
504. Што за вѣтеръ, что за буйной:
ковда дуѣтъ, ковда—нѣтъ.
Што за дѣвки, што за дуры:
ковда любятъ, ковда—нѣтъ.
Ковда любятъ—уважаю,
а то—къ чорту посылаю.
505. Я с'орѣхова кусточка
два листочка сорвала.
Я своему-то интересу
правой ручки ни дала.
506. Гармошка красно-мѣхал,
дѣвчѣнка с'пола ѣхала,
покачала головой:
„Не поѣдемъ, пѣсь, с'тобой“.
507. Рубашка бѣла под'ремень.
Провожаля меня,—ревѣль.
Онъ ешпо бы поревѣль,
да товаришъ не велѣль.
508. На Толпыгинской горѣ
телефонъ устроился.
Походилъ за мной мальчишко,—
только беспокоился.
509. Одна пѣсенка припѣлась,—
я другую запою.
Етотъ милой пригледѣлся,—
я другога полюблю.
510. Всѣ платочки износила,—
остается одна шаль.
Всѣхъ хорошихъ прилюбила,—
остается одна шваль.

*) Т. е. замужъ.

511. Шла я низомъ прядильной,
сидить мальчишка въ та-
бельной,
машетъ бѣлинскимъ платочкомъ:
„Посиди со мной ряткомъ“.
Я мальчишку на отвѣтъ:
„Не сяду, мальчикъ, с'тобой
вѣкъ“.
512. На Толпыгинской горѣ,
двое спорятъ обо мнѣ.
Што робята споритѣ?—
вы миня не стоитѣ.
513. У милѣва чѣрны брови,—
чѣрны какъ у ворона.
Ожидай, мой ненаглядной,
раставанья скорова.
514. Дайте с'горочки спуститьца,
ключевой воды достать.
Дайте с'милочкой проститьца
отъ нее мнѣ какъ отстать!
515. Вы не всѣ, свѣточки, вяньте,—
хоть (или: хошъ) одинъ
позеленѣй.
Вы не всѣ, дѣвки, ругайте,—
хоть (или: хошъ) одна да
пожалѣй.
516. Не придѣтца никому
любить милашечку мою.
Вотъ, придѣтца всё тому,—
мнѣ мальчишку одному.
517. Черезъ блюдку слѣзки льются,—
мнѣ ихъ чаемъ не запить.
Мнѣ свою-ту ли милую
во вѣки не забыть.
518. Не запить мнѣ это горюшко
не пивомъ, не виномъ.
Не забыть мнѣ милую
не лѣтомъ, не зимой.
519. Я курилъ, курилъ махорку,
а теперь—простой табакъ.
Я любилъ, любилъ дѣвчѣнку,
а теперь—шляюсь такъ.
520. Я дѣвчѣнку полюбилъ,
ей на ковшочку купилъ.
Стала ковшочку носить,
миня мальчика хвалить.
521. Какъ у Саньки деньги ёсть,
я не знаю, какъ подлѣсть.
На колѣвки припаду,
всѣ денжонки украду,
всѣ денжонки украду,
поцѣлую—прочъ уйду.

521. Какъ мнѣ пѣсенки не пѣть?—
голосъ позволяеть.
Какъ мнѣ милку не любить?—
почтенья присылаеть.
522. Трудно, трудно с'ѣнны моря
со дна камишоку достать.
Вотъ, труднѣе у милова
любовь на сердцѣ узнать.
523. Не ходи, милой, болотомъ:
дипломатъ загрязнишь.
Скажи, милой, чистой правдой,
любишь али дразнишь?
524. Милый мой, галошъ не мой,—
галоши вымыла водой;
вытерла суконочкой,—
не смѣйся надъ дѣвчѣночкой.
525. Сядетъ милой со мной рядомъ,
говорить: „Люблю тебя“.
Отвернѣтся, засмѣется,
точно глупицкая я.
526. На руцѣ колечко лѣтца,
точно свѣжая вода.
Надо мной милой смѣется,—
ето чистая бѣда.
527. Поглежу я с'мосту в'рѣчку,—
в'рѣчку мутная вода.
Надо мной милой смѣется,—
ето чистая бѣда.
528. Шла я поломъ коридоромъ,—
половичка гнѣтся.
Хотѣлъ милой насмѣять,—
топерь не придѣтся.
529. На столѣ стоитъ подсвѣшникъ,
моетъ милицкой насмѣш-
никъ.
Ему раньше былъ почѣтъ,
а топерь—паршивой чѣртъ.
530. Нашо полюшко камнисто,—
нельзя в'нѣмъ боронить.
Наши мальчики капризны,—
нельзя слова говорить.
531. Чтò ты, милой, зазнаѣсса
со своею красотой?
Ты—красивъ, я—не красива,—
не гонюса за тобой.
532. В'огородѣ макъ растѣтъ,
еко украшеніе!
Небольшова мальчикъ расту,—
любить уваженіе.
533. Што ты, милой, зазнаѣсса:
вѣтъ почѣтъ—отъ намъ одинъ.
Хотѣ я—дѣвушка фабрична,
вѣтъ и ты—не дворянинъ.
534. Что ты, милой, зазнаѣсса,
у миня—ты не одинъ.
Я—фабришная дѣвчѣнка,
вѣтъ и ты—не господица.
535. Что ты, милой, зазнаѣсса,
надо мной куражисса?
Много, лутче и красивѣй,
за мной мальчикъ вѣзнѣсса.
536. Стало солнце закатѣцца,
стало краснò заходить.
Стала мила заснаватца,
стала губу надувать.
Что ты, мила, дѣѣсса,
при народѣ плюѣсса.
537. Ужъ какъ Яклиско *) на горкѣ,
на кругомѣ берегу.
Что за сволочъ за мальчишко!
Я потрафить не могу.
538. Чай пилъ я, пѣсни пѣла,
голосъ раздаѣсса.
Подошла к'своему милѣнку,—
стерво, зазнаѣсса.
539. Шла я лѣсомъ, пѣсни пѣла,—
в'лѣсу раздаѣсса:
Подошла к'друшку близенько,—
а онъ—зазнаѣсса.
540. Шла я лѣсомъ, пѣсни пѣла,—
голосъ раздаѣсса.
Подошла к'своему милѣнку,—
сволочъ зазнаѣсса.
541. Мнѣ сказали дѣвушки:
„Нѣтъ в'полѣ погодушки“.
Вышелъ я во полюшко—
повила погодушка.
542. Были, были снѣжки бѣлы,
а потòмъ—ростаяли.
Мою милую хвалили,
а потòмъ росхалили.
543. Снѣжки тають, снѣжки тають,
снѣжки ужъ розтаяли.
Полюбилъ я милашечку,—
товарищи разхалили.
544. На кудрявую рябину
скоро ляжетъ большой дошть
Рѣтъ подружки друшка хають,
а мнѣ кажется хорошъ.
545. Под'окошничкомъ сидѣла,
шила бѣлой фартучекъ.
Всѣ мнѣ правду говорили,
што карѣхтерной дружокъ.

*) Т. е. Яковлевское, фабричное село.

546. Большой милой не согласной
только вѣнчики везать.
Каждой вечеръ провожаетъ,
не сумѣетъ што сказать.
547. Двѣ берёски стоять рядомъ,
милой портить себя згля-
домъ.
На нароть всурьёсь глядеть
и мнѣ дѣвчѣнкѣ такъ ве-
лѣть.
548. Ни гледи милѣй, вѣошко,
чѣрны брови не кажи.
Лучше выди на крылечко,
слово ласково скажи.
549. У милова подъ окошкомъ
выросъ частой ельничъ.
На лицо милѣй хорошъ,
на рѣчахъ—бездѣльничъ.
550. Посадила вполѣ луку,
думала:—не горькой.
Полюбила я милѣнка,
думала:—не бойкой.
Лучикъ горекъ и перись,
милѣй боекъ и форсись.
551. Я бы знала своё счастье,—
я бы не редила.са.
Я бы знала вмиломъ совѣсь,—
я бы не влюбила.са.
552. Самѣ я, дѣвки, не бѣла,—
люблю бѣловѣтова.
Не люблю такую розиню,—
люблю варовѣтова.
553. Погаситѣ ету ланпу
сѣтимъ абажурчикомъ.
Я не буду занимат.са
сѣдакимъ мазурикомъ.
554. Я не буду теперь вѣрить
чернобровинькой тебѣ.
Ранше вѣрила,—не знала
такой совѣсти втебѣ.
555. Чево стоишь, чево гледишь,
чево ты дожидаесса.
Ни пойду я замужъ за тебя,—
ты пьяной напиваесса.
556. Сошью платицо на лѣто
содинаковой бѣй.
Цѣлой готъ с'милымъ гуляла,—
не видала, што кривой.
557. Чересъ полѣ вижу Олю,
черезъ рѣчку—Сашиныку.
Чересъ тонинькой лѣсокъ
слышу Сашины голосокъ.

558. Было дѣвушекъ четыре,
а тепериче—одна.
Перва мѣла вышла замужъ,
а вторая—померла.
Третью мѣлу я зарѣзалъ,
а четверта—у мѣня.
559. Не завидуйте, дѣвчѣнки,
антиресу моему.
Завелоса двѣ охоты,—
и не рада некому.
560. Ты, гармошка новая,
дѣвчѣвка чернобровая!
Черноброва, черноглаза
полюбила двоихъ сразу.
561. Сошью ковточку на ватѣ,
а другую—ва мѣху.
Одново люблю для чести,
а другово—для смѣху.
562. Роспашу я, роспашу
за рѣкой полянку.
За красу я люблю Сашу,—
Пашу—за тальянку.
563. У мѣня милѣнковъ девять;
я не знаю, что снимъ
дѣлать.
Восемь брошу, позабуду;
девятова любить буду.
564. Люблю Колю для укору,
Сашу—для увѣрности.
А Ванюшку—для тово:
желаю вѣчно быть ѣво.
565. Мой батистовой платокъ
обошелъ ребятъ пятокъ.
Какъ въ шестому-то попалъ,—
мой батистовой пропалъ.
566. Что я лѣсомъ ни ходила,—
крѣпче дуба ни нашла.
Что милыхъ ни любила,—
опять к'тому пришла.
567. Сколько лѣсомъ не ходила,
крѣпче дубу не нашла.
Сколько милыхъ не дубила,—
лучче Вани не нашла.
568. Задушевная, таварка,
мы гуляли по полямъ.
Шикаладные канфеточки
дѣлили пополамъ.
569. Не найдѣшь такой берёзки,
чтобы дождь не проливалъ.
Нѣтъ таково интереса,
чтобы вѣкъ не забывалъ.

570. Дуетъ, дуетъ вѣтерокъ,—
дуетъ не по лѣтнему.
Любить, любить миня милой,—
любить не по прежнему.
571. Чтò за вѣтеръ, чтò за буйной:
когда дуетъ, когда—нѣтъ!
Чтò за милой, за хорошей:
когда любить, когда—нѣтъ.
572. Миня солнышко не грѣетъ,
надъ головушкой туманъ.
Миня милой не жалѣетъ,—
я скажу, товарки, вамъ.
573. Не свѣти-ко, свѣтокъ алой,—
свѣти огурѣшной.
Не надѣюсь на милѣнка:
онъ—не виковѣшной.
574. У молодинькой дѣвчѣнки
разыгралась вѣлицъ кровь.
За пол-года серцо слышитъ:
с'милымъ кончится любовь.
575. Въ морѣ пѣна закипѣла:
будетъ с'милымъ перемѣна.
Разгоралась вѣлицъ кровь:
с'милымъ кончится любовь.
576. Скоро рóсонька настанетъ,
солнышко закáтитса.
Отъ миня милой отстанетъ,
на какó накатитса.
577. На берёскѣ листокъ вынетъ,—
видно лѣтчикко прошло.
На миня милой не зглядеть,—
видно время отошло.
578. Вьётса соколъ надъ осокой,—
вольна пташка надо мной.
Отошло такое время,
походилъ милой за мной.
579. Заварю я мятныхъ капель,
дамъ я милому попить.
Вотъ, не будетъ ли, не станетъ ли
попрежнему любить?
580. Говорятъ, платокъ—к'разлукѣ;
ето—правда для миня.
Отнялъ милинькой платочикъ,—
позабылъ скоро миня.
581. Я съ милѣночкомъ гуляла
свѣтлы майски вичера.
Чтò я с'милымъ говорила,—
воротилъ бы тѣ слова.
582. Хотѣлъ мальчикъ вѣренъ быть,
хотѣлъ вѣкъ миня любить.
Свое слово измѣнилъ:
одно лѣтчикко любилъ.
583. Милой—съ горки, я—вдогонку:
думала ворóбитса,—
думала ворóбитса,
ешшо годокъ повóдитса.
584. Подѣмъ, товарка, по брусницу,
наберѣмъ бѣлыхъ грибовъ.
Я скажу тебѣ, товарка,
съ милымъ кончилась лю-
бовъ.
585. Милая подружинка,
воды одна калужинка.
Ямочка подрытая,
любовъ съ милымъ забытая.
586. Я телѣночка манила,—
бѣлу юбку обмочила.
Што-то здѣлалось телѣнку:
онъ не сталъ домой ходить.
Што-то здѣлалось милѣнку:
онъ не сталъ миня любить.
587. Я работала у стѣнки,
а теперя—у окна.
Я ходила с'проводатымъ,
а теперъ—хожу одна.
588. Поглядѣлъ бы на милѣнка,
што онъ дѣлаетъ топеръ.
Щи хлѣбаётъ, кашу ѣстъ,
бѣльма вытараскалъ, какъ
бѣсъ.
589. Поглядѣлъ бы на милóва,
што топеръ онъ дѣлаетъ.
В'бѣлой вышитой рубашкѣ
гдѣ-небудь да бѣгаеть.
590. На Толпыгинскомъ лугу
солнышко сѣяетъ.
Посмотрѣлъ бы на милóю—
съ кѣмъ она гуляетъ.
591. По чужому наговору
должна милова забыть.
По своему-то ретивóму
миѣ до гроба не забыть.
592. По чужому наговору
друшка брошу я любить.
А по своему-то ретивóму
миѣ до гроба не забыть.
593. Пасадил я свѣточковъ,—
надо чаемъ поливать.
Пришло времичко такое,—
надо друшка забывать.
594. Много слёзъ я пролила
въ пухову подушку:
надо с'милымъ раставатса,
забывать другъ друшку.

595. Не сіяётъ, не горитъ
золотó колечко.
Неужели не болить
у милова сердечко?
596. Чёрну ленточку печальну
мнѣ придѣтся заплетать.
Чернобровая мальчишка
мнѣ придѣтся забывать.
597. Чорну юбочку печальную
придѣтся надѣвать.
Тебя, милюшкой-хорошинкой,
придѣтся забывать.
598. Я надѣну платье бѣло,
платокъ чёрной повяжу.
Я с' такой большой досады
в'этомъ траурѣ хожу.
599. Таварка хитра-перехитра
стоитъ возлѣ миня.
Самой до страсти дружка жалко,
а коритъ всегда миня.
600. Ты, таварка, не печальса
и угрюмая не будь.
Возьми в'голову вниманье,
свою милова забудь.
601. Двѣ кокушки коковали:
имѣ охотно коковать.
Мы с' таваркой тосковали:
трудно милыхъ забывать.
602. Ой, таварка тайная,
что сидишь печальная?
— Какъ мнѣ не печалится:
любовь с' милымъ кончается.
603. Запѣвай, таварка, пѣсню
самую угрюмую:
хлѣба-соли я лишаюсь,—
по мальчишкѣ думаю.
604. Страдаю день, страдаю два,
страдаю всю недѣлю я,
страдаю, рапшибаюся:
ково люблю—лишаюся.
605. Чай пила—жара была.
Окошечко открыла я.
Окошечко скрипнуло,
кукушечка скрикнула.
Не кукуй, кукушка, здѣсь:
безъ тебя горюшко есь.
606. Ой, товарочка моя,
поговаривай миня:
не сотти бы мнѣ с' ума,
не сотти бы отъ того,—
сама ты знаешь отъ чего.

607. Што, подружка, глядишь в'рожу,
глядишь не мигаячи?
Я повѣрю, жаль милова,
по себѣ гадаючи.
608. Улетѣла пташка вдаль,
топерь милова не жаль.
Сѣла к' кусту не к' тому,—
топерь милой никакъ.
609. Лети, кокушка, лети в'даль (?)
топерь милова не жаль.
Сять х'кусточку да х'тому,
топерь милой ни к' чему.
610. Улетѣли пташки в'даль,
стало милова не жаль.
Сѣла к' кусту не к' тому:
топерь мальчишки не
к' чему.
611. Голупка, лебедь бѣла,
мнѣ женится не велѣла.
По головкѣ гладила,
в' офицеры ладила.
612. Я рогатую скотину
на рѣку гаяла пить.
Я свою-то ли милова
не кому не дамъ любить.
613. Я батистовой платочикъ
разрывала пополамъ.
Сама с' милымъ не гуляю,—
и товарочкѣ не дамъ.
614. Ты милажка, свѣтикъ мой,
вѣтка огурешная,
ни надѣйся на миня;
я ни виковѣшной.
615. Ты ли миня, я ли тея
изсушила?
ты ли миня, я ли тея
извела?
616. Ты ли миня, я ли тея
— изъ кувшина?
Ты ли миня, я ли тея
— изъ ведра.
617. Куда, милой, собираешься
и тросточку берёшь?
Фурашку бѣлу надѣваешь,—
знать спокінуть миня хощь.
618. На берёзѣ листьокъ вянетъ:
видно, лѣтчикъ прошло.
Ко мнѣ милинка не ходитъ:
видно, время отошло.

619. Когда мишенькой ходилъ,
тропинки были торные.
Ходить милой пересталъ,—
топерь грязи полные.
620. Течётъ рѣчка по песочку,—
такъ и жизнь моя пройдётъ.
Не надѣюсь на мальчишка:
кто-нибудь да отобѣтъ.
621. Милой мой, теперь насъ двѣ:
ты здохнёшь,—я пофторю.
Но, понятно, сердце скажетъ:
„Одного тебя люблю“.
622. Что, товарка, невесела?
Развѣ на сердѣ печаль?
Не одново ли с' тобой любимъ,
не ёво ли тебѣ жаль?
623. Опущу колечко в'воду
я печаточкой ко дну.
Скажи, милой, повѣришь:
любишь двухъ или одну?
624. Уважала, уважала,
уваженьицо не в'чесь.
И в'отвѣтъ ему сказала:
„У тебя другая есь“.
625. Милой Саша, воля ваша,
хоть люби, хоть ни люби.
Наговаривать таварка,—
на неё ты ни гляди.
626. Задухеvный мой товарищъ,
съ одной ложки пилъ и
ѣлъ!
Какую досаду ты мнѣ здѣлалъ:
с' моей дѣвчѣнкой рядомъ
сѣлъ.
627. Всю я ночку не уснула
на перинѣ пуховой:
увидала, не стерпѣла,
с' кѣмъ гуляетъ милой мой.
628. Говорятъ, кольцо к' разлукѣ.
Я нарочно два отдамъ.
Не кольцо насъ разлучаетъ,
а злодѣйка—между намъ.
629. Что это за лужица,—
голубокъ купается.
Какой с' милымъ антересъ,—
каждой занимается.
630. Всѣ свѣточки въ полѣ вянуть,—
разсвѣтаетъ свѣробой.
Не горюй, моя таварка:
не пойду на перебой.
631. Что, товарка, невесела?
что-то на сердѣ тайшь.
Про милва много знаешь,—
ничего не говоришь.
632. Лягу милому на плечико,
вздохну я чижело:
„Чирно-бровинькой, мой мишень-
кой,
„спокинулъ на ково“.
623. Лягу к' милому на плечико,
здохну я чижало.
Интересную дѣвчѣночку
оставилъ на ково.
634. Жалко, жалко полупалка:
выгораетъ голубой.
Жалко, жалко мнѣ мальчишка:
ударяетъ за другой.
635. Погасите нѣву лампу:
понапрасну свѣтъ горитъ.
Рассадите эту пару:
лучше сердце не болить.
636. Закажу себѣ колечко
ис' стариннова гроша.
За другой мальчишко ходить,—
видно, я не хороша.
537. Сошью платицо себѣ,—
бѣлое на лѣто.
Милой ходить за другой,—
сукинъ сынъ за это!
638. Товарка хитра-перехитра
перехитрила миня:
пенагляднинькова мальчика
отбила у миня.
639. В'саду яблонца повяла,—
чиремоншка расцвѣла.
Задухеvная подрушка
миня с' милымъ развела.
640. Я пила холодну воду
из' ведѣрка крушкой.
Не за мной милѣнокъ ходить,—
за моей подрушкой.
641. Антиресные-то письма
и по почтѣ не летятъ.
На твою, милбй, симпатку
моѣ гласки не глядятъ.
642. Милой мой! з' законнымъ бра-
комъ.
— „Путишь, милая моя.“
Ну, какія, милой, шутки:
забылъ дѣвушку миня.

643. Моётъ милой укусьль,
в'чужой барошнѣ подсѣль.
Я не долго думала:

644. Задушевной мой товаришѣ
с'одной лошки пилъ и ѣлъ.
Вотъ, такъ досаду здѣлалъ:
с'моей милашкой рядомъ
сѣлъ.

645. Миня били-колотили,
в'чистомъ полѣ на
пескахъ.

Изломали мнѣ головушку
в'двѣнадцати мѣстахъ.

646. Всѣ свѣточки поблѣкаютъ,
расвѣтаетъ сироборъ.
Моётъ милой другу любить,
ни пойду на пиребой.

647. Из' под' мбсту—рыба съ хвб-
стомъ,
уточка—съ утиями.

Говорила мнѣ милая:
„Не гуляй с'женатыми,
„а гуляй съ холостымъ
„и со дѣвушкамъ простымъ“.

648. Всѣ таварочки гуляютъ,—
только мнѣ—не до того.
Сидить мальчикъ чирезъ дѣ-
вушку,—
болить серцо моѣ.

649. Под'окномъ берёска вянетъ,
а я,—глядя на нѣе.
Моётъ милой другу любить,
видно, хуже я нѣе.

650. Всѣ свѣточки привлекаютъ,—
рассвѣтаетъ свиробой.
Отъ миня друшка отбили,—
не пойду на-перебой.

651. Ни спала я, такъ лежала
на подушкѣ пиряной.
Я успѣла, догледѣла,
с'къмъ гуляетъ милой мой.

652. На толпыгинской горѣ
солнышко сіяетъ.
Поглядѣлъ бы на дѣвчѣнку,
с'къмъ она гуляетъ.

653. У милова кудри вьются,—
я не буду разбивать.
За другой мой милой ходить,—
я не буду разбивать.

654. Интересные-то письма
черезъ почту не летятъ.
На твою, милбй, зазнобу
мои гласки не глядятъ.

655. Чорную смородину
знаю кто воруетъ.
Чернобровова милова
знаю кто полуётъ.

656. Не летай-ко-тѣ, косаточки,—
вы мнѣ не по пути.
Изорвалъ ли мой платочикъ
весь на мелки лоскутки.

657. День я жала, день везала,
день пятѣчки ставила.
Я свово-то ли милова
сиротой оставила.

658. Опушшу колечко в'воду,—
пусъ оно катается.
От'ступлюса отъ милашки,—
пусъ она шатается.

659. На гармонь платокъ повѣшу,
а другимъ—загорожу.
Не форси, моя милая:
я тобой не дорожу.

660. Не хочу я чаю пить:
вода возмучбная.
Не хочу тебя любить,
дура неучбная.

661. У милѣнка домъ высокъ,
под'оконичкомъ пѣсокъ,
Милой ходить по пѣску,
нагоняетъ мнѣ тоску.

662. Какъ толпыгинска малина
завсегда гулять манила.
По тропинкѣ—лебеда,—
топерь не попаду туда.

663. Головинская малина
засегда гулять манила;
По дорогамъ лебеда—
топерь нешто туда.

664. Шолъ я рѣчкой, краешкомъ,
кидалъ въ милашку камеш-
комъ,
Мнѣ хотѣлося убить,
да другую полюбить.

665. Сброкъ ёлекъ съ ёлочкой,—
ходилъ я съ дѣвчѣночкой.
Мнѣ хотѣлося убить,
да другую полюбить.

666. Шла я лѣсомъ крайшомъ,
кидала въ друшкѣ камеш-
комъ.
Мнѣ хотѣлося убить,
да другою полюбить.
Его мнѣ не убилоса,—
(или: мнѣ ко не убилоса,—)
еще больше я влюбилася
(или:... влюбилоса).
667. Часто въ горенкѣ метуса,
на улицу соръ ношу.
До чего довѣлъ мальчишка:
нонче годикъ не форшу!
668. Что ты, Катя черноброва,
ты худа стала, блѣднѣ.
Ты теперь одинока,
нѣтъ милѣва у тебя.
669. Я работала у стѣнки,
а теперь—у окна.
Я ходила съ провожатымъ,
а теперь—хожу одна.
670. Я живая в'землю лягу,
я за вѣрную любовь.
Если милой не спомянетъ,—
не потерпѣть ему Богъ.
670. Я жилѣ, я въ землю лягу,
я за вѣрную любовь.
Если милой не спомянетъ,
не потерпѣть ему Богъ.
671. Вы, товарищи-друзья!
убейте мѣлу изъ ружья.
Убейте мѣлу изъ ружья,
теперь она мнѣ ни нужна.
672. Вы не бейте, ни стрѣляйте
в'огородѣ питушка.
Убейте, застрѣлите
лучше милова друшка.
673. Задушевная таварка,
купи ножикъ-складничокъ.
Зарѣшъ у милова симпашку,—
вѣчно будѣтъ мой дружокъ.
674. Люди ножички справляютъ,—
я—левовверъ заряжу.
Люди в'каторгѣ страдаютъ,—
я—в'острогѣ посижу.
675. Я Сибири не боюса,—
Сибирь—наша сторона.
Кто милашичку полюбить,—
тотъ попробуетъ ножа.

676. За листочки насъ рестуютъ,
а за ножикъ—никогда.
Дальше сонца не угонять,
Сибирь—наша сторона.
З'земнова шара не столкнутъ,
тѣромъ в'землю не воткнуть
677. Усердиса милъ на брата,
из'за брата—на миня.
Я тому не виновата:
не учила брата я.
678. Вижу сать, вижу зелѣной,
вижу негорбожоней.
Чѣмъ ты, мѣло, недоволенъ,
до дому провоженной?
679. Стой-ко, травонька, попрямше,
на конавку не клонись!
А ты, мѣлой, не серишъ,
ходи по-прежнему, садись.
679. Подарилъ мнѣ милъ супирчикъ
съ под'воднымъ камешкомъ.
На миня онъ осердилсѣ:
не садитсѣ рядышкомъ.
680. Черезъ рѣчку голубѣкъ
на лужокъ садилсѣ.
На тебя, моя товарка,
мѣлой осердилсѣ.
681. Погледѣлъ бы в'стѣлышко,
гдѣ садитсѣ солнышко.
Сонцо сѣло за туманомъ,
милѣнокъ дѣлать на обманъ.
682. Брыждетъ, брыждетъ частой дождикъ
на сарайчикѣ тисовомъ.
Изотлѣлсѣ у милова
мой платочикъ носовой.
683. Мѣлой корпусомъ не ходѣтъ
и на номеръ ни гледѣтъ.
Со мной рядомъ ни садитсѣ
и другому ни велѣтъ.
684. Засорѣна путь-дорожинька,
всѣ соломкой еровой.
Разругалсѣ я с'милашичкой
на праздникъ годовой.
685. У мово-то ли милѣва
домъ на каменномъ ряду.
Я во нонишномъ году
живу съ мѣлымъ не в'ладу:
Мимо оконъ ходѣтъ бокомъ,—
я в'окошко не глежу.
686. Вѣтеръ дуѣтъ, што-то будѣтъ:
мѣлой зонтикъ изломалъ,
кольцо скинулъ, въ воду кинулъ
и платочикъ изорвалъ.

687. Я сидѣла на диванѣ,
вышивала платокъ Ванѣ.
Платокъ бѣлой полотняной
изорвалъ Ванюшка пьяной.
688. Поигралъ бы я в'гармошку,—
права ручинька болить.
Посидѣлъ с'милашкой рядомъ,—
ничево не говорить.
689. Пошли дѣвки на рѣчку
по бѣлы каменья.
Обругалъ мальчикъ дѣвченку,—
повели в'правленіе.
Во правленіи у стола
дѣвченка воетъ без'стыда.
Она воетъ-говорить
сво высѣчки велить.
690. Четвѣртная—мать родная,
полу-штофъ—ты мой отецъ.
Нол-бутылка—моя мила,
проводи меня в'конечъ.
691. Ахъ ты, милая моя,
что ты меня учишь?
Три копейки есть за мной,—
ты ихъ не получишь.
692. Милой—мой, а я—твоя,
гдѣ косыночка моя?
— „Милая, хорошая,
въ тужурочкѣ положена“.
693. Милый мой, карманный воръ,
скажи, гдѣ косынка?—
— „Милая, хорошая,
въ кабакѣ заложена“.
694. Шель улочкой зимой,
снялъ я ковточку съ милой.
Моя милая ревѣла,
своей ковточки жалѣла.
Пожалѣлъ я ее слезъ—
и за ковточку отнёсъ.
695. Шоль я улочкой зимой,
снялъ я ковточку с'одной.
Милка плакала, ревѣла,
бѣлой кофточки жалѣла.
Пожалѣлъ я горькихъ слезъ,
назатъ ей кофточку принёсъ.
696. Под'окошечкомъ сидѣла,
ѣла кашу съ молокомъ.
Я милѣнка увидала—
и по кашѣ—кулакомъ.
Каша разлетѣлася,
милашка разревѣлася.

697. Я сидѣла на окошкѣ,
ѣла кашу съ молокомъ.
Увидала я милѣнка—
и по кашѣ—кулакомъ.
698. На Велюшинѣ гуляла,—
видѣла Сашутку.
Онъ ударилъ по щекамъ,—
приняла за шутку.
699. За овиномъ кусъ малины,
винограду полоса.
Говоритъ мнѣ-ка милѣнокъ:
„Не лѣсь пьяному в'глаза“.
700. Напишу царю прошеніе,
приложу бѣлу печать,
чтобы здѣлалъ разрѣшеніе
с'милымъ друшкомъ повѣн-
чать.
701. Нонче годомъ похудала:
сундука не отпереть.
Скажи, милой, повѣриѣ:
нонче женять или нѣтъ?
702. Неужели, милой мой,
нонче женисса зимой?
Если женисса, мой милой,
скучно жить будётъ одной.
703. На окошкѣ сидитъ кошка,—
бѣло-лапчатый котокъ.
Говорила мнѣ милашка:
„Не женись ещё годокъ“.
704. Говорила мнѣ милая:
„Не женись до годику,—
„Не женись до годику,
„возьми меня молодиньку.
705. Появжу я с'горюшка
чѣрнинькой платочикъ.
Погоди, милый женитса,
нонишной годочикъ.
706. Я надѣну бѣлой фартукъ,—
буду в'родѣ горнишной.
Погоди, милой, женитса
хоть годочикъ нонишной.
707. Голупка ли вѣдь бѣла
мнѣ женитьца не велѣла.
По головки гладила,
въ офицеры ладила.
708. Милой, яготка моя,
не жениса два готка.
Не женись до годику,
возьми меня молодиньку.
709. Симяна не стоитъ грысти,
и орѣшки дорогі.
Ты скажи-ка, мой милой,
до вѣнчанья долго ли.

710. Вы разрѣшите моё сердце,
положите на столъ.
Есть задумалъ, миль, женитса,—
ты жениса поскорѣй.
711. Свѣтитъ сонцо на лужокъ,
а луна—на берёжокъ.
Товда охнетъ моё сердце,
ковда женитса дружокъ.
712. Ты играй, гармошка нѣва,
звисели мово милова.
Ево надо звеселить:
будуть осенью женить.
713. Опущу колечко в'воду,—
пушай тонетъ глубоко.
Есть задумалъ миль женитса
пушай ѣдетъ далѣко.
714. Черезъ рѣчку пушу свѣчку
кто-небудь её зажжотъ.
Чересъ клятву милой женитса,—
не долго наживѣть.
715. Я поставлю свѣчку в'рѣчку,—
кто-небудь её зажжотъ.
Чересъ клятву милой женитца
не долго наживѣть.
716. Милой збрую начиншаецъ,
свататса збираетса.
Мимо дому проѣзжаетъ,—
сердце разрывается.
717. Хотятъ милова женить,
мому сердцу досадить.
Ето не досадущка,—
сердечущку отрадущка.
718. У насъ рѣчка—лиденецъ,—
миль поѣхалъ под'вѣнецъ.
Буду в'слѣтъ ему кричать,—
не будетъ попъ ево вѣнчать,
Воротись, милѣй, домой,
об'вѣнчаемса со мной.
719. Возьму в'руки полотенце,
рисовать буду конецъ.
Будетъ милая вѣнчатса.
я спибу съ её вѣнецъ.
720. Какъ в'Толпыгинѣ селѣ
в'колоколь ударили.
А мово-то-ли милова
под' вѣнецъ поставили.
721. На рябинѣ на вершинѣ
галочка качаетса.
Растворю церковны двери:
милинькой вѣнчается.

722. Мово милова вѣнчали,—
огни разны засвѣчали:
отъ налѣ до дверей
горѣло восемь фонарей.
723. Я на папертѣ стояла,—
не могла свѣчу доржать.
Я священника просила:
„Погоди друшка вѣнчать“.
724. Чья-то свадебка катаетса,—
знакомой женишокъ.
Какъ по прежней-то любви
былъ завѣтной мой дружокъ.
725. Милой мой, з'законнымъ бракомъ.
—„Шутишь, милая моя?“
Ну, какіе ето шутки?
измѣнилъ слову своему.
726. Набѣлюся я извѣской,
нарумянюсь кирпичемъ.
Моя мила вышла замужъ,
я остался не при чемъ.
727. Были, были два колечка,
оба укатилиса.
Было, было два дружечка,
оба-то женилиса.

Рекрутскія частушки.

728. Давай, милая, кутить,—
намъ съ тобой не долго жить:
меня в'солдаты отдадутъ,
тебя замужъ выдадутъ.
728. Что-то в'полѣ шевелится.
мѣленка воробчатса.
Миня осенью—в'солдаты.
Батюшки, не хочется!
729. Помолись, милашка, Богу
на Макарьевской соборъ.
Отъ солдасва Богъ избавить,—
об'вѣнчаемса съ тобой.
730. Женять, женять насъ молотчи-
ковъ
во нонишнемъ году.
И дадутъ намъ по невѣстѣ,—
по казенному ружью.
731. Вы слетайтесь, вольны пташки,
мелкіе воробышки:
нонче съ Паски с'крою гласки
со своей сторонущи.
732. Поиграй, гармошечка,
временчка немножечко.
Временчко коротаетца,
къ солдаствицу подвигаетца.

733. Пирогы, мама, пеки,—
миня в'салдаты береги.
Вари кашу, масло лей,—
последній годик пожалѣй.

734. Намъ не долго пофорсить,
длинные волосы носить.
Слетятъ эти волосѣй,
какъ с'осинушки лисѣй.

735. Чуетъ, чуетъ мое сердце:
на чужой сторонкѣ жить.
А еще больше скучаетъ
царю бѣлому служить,—
царю бѣлому служить,
шинель сѣрую носить.
Шинель сѣрая, рядная,—
прощай, маминька родная.
Мундиръ чѣрной, дорогѣй,—
прощай, тятинька родной!

736. Намъ не долго молотцамъ
пѣрачить своимъ отцамъ.
Намъ не долго мальчикамъ
побрабтать братчикамъ.

737. Ты играй, играй, дву-ряточка,
наигрывай-ко-са.
Ты гуляй, гуляй, головушка,
нагуливай-ко-са

738. Погуляйте, ребятишки,
погуляйте, молотцы;
пока нѣ-здали в'салдаты,—
волю дали вамъ отцы.

739. Задушевной мой товаришъ,
давай горе горевать:
твою голову забреютъ,
и моей не миновать.

740. Вы, товариши-друзья!
Чево лишаюсь мальчикъ я:—
лишаюсь матери-отца,
дѣвчонки бѣлаго лица.

741. Погодите, слѣски, капать
на мою на бѣлу грудь.
Погоди, милашка плакать:
можетъ быть, не од'дадутъ.

742. (Эхъ), ты берѣза, ты берѣза,
золотые прутики!
Пожалѣйте насъ, дѣвчонки,
нонче мы некрутики!

743. По тебѣ, ширѣка улочка,
последней расѣ идѣ.
На тебя, моя милашичка,
в'последнѣе глежу.

744. Намъ не долго погулять
со дѣвчонкамъ вольницамъ:
скоро, скоро забрячить
остра бритва съ нѣжницамъ.

745. Миня мальчика забреютъ,—
куда милую дѣвать?
Куплю новую корзину,—
пошлю по-миру збирать.

746. Перебью-перемну
рюмочки хрустальные.
Посидѣлъ бы я, поплакалъ
с'милашичкой в'останные.

747. Кругомъ крестный ходъ,
а намъ гулять—последній
годъ.
Последній годъ, последний день,
последній праздничекъ я
здѣсь.

Последній понедѣльничекъ
подстели постельничекъ.

748. У гармошки—мѣдный тонъ;
ты скажи, когда подѣмъ. *)
Если въ сѣреду подѣмъ,—
вина зѣлена попьѣмъ.

749. Мнѣ цыганочка гадала.
что незластно жреби твой.

750. Некрутѣ вы, некрутѣ,
вы попали не туда.
Не въ ту сторону попали,—
ваши головы пропали.

751. Былъ я въ Плѣсѣ, Сиредѣ,— **)
нагулялся я вездѣ. ***)

752. Всѣ я пѣлъ бы, всѣ я пѣлъ бы,
всѣ бы я веселился.
Одна дума на умѣ:
„Кого я лишился!
Лишился я матери—отца,
милашки бѣлаго лица“.

*) Т. е. отъѣздъ рекрутовъ.

**) Т. е. въ Сиредѣ.

***) Цѣсня рекрутская. Смыслъ ся въ томъ, что въ Плѣсѣ брѣютъ рекрутовъ, а въ Сиредѣ—«пересвидѣтельствуютъ».

753. Куда, тятя, запрещаешь
вороново жиребца?
Куда, мамка, собираешь
удалово молотца?
Повезли миня в'солдаты,
а я думалъ: на базаръ.
Повели меня въ приёмну,
а я думалъ: во кабакъ.
Миня стали забривать,
а я думалъ: выпивать.
Погодите кудри брить—
дайте маминькѣ прибыть.
Моя маминька придѣтъ—
русы кудри подберѣтъ—
Русы кудри подберѣтъ,
себѣ в'корбкѣ покладѣтъ.
754. Некрутѣ вы, некрутѣ,
зачѣмъ попали вы суда?
— „Мы во Плѣсо погулять,
во приёмной побывать“.
755. Какъ у церкви Покровѣ
стоитъ приёмная новѣ.
Тутѣ лѣсенка крутѣ,
по ней ходятъ рекрутѣ.
За стекляннемъ дверямъ
стоитъ кружка с'жиребѣмъ.
Рукава я засыкалъ,
в'кружку руку опускалъ,
себѣ жеребей таскалъ.
Я мальчишко холостой
вынялъ жеребей шестой.
А товаришъ мой женатый
вынялъ жеребей девятый.
756. Я на жеребей надѣлся,
работалъ до конца.
Пришло времичко такое,
что забрили молотца.
Сказалъ: „Брейте,—не жалѣйте,
„вы стригите,—не берегите“.
Вотъ какъ бреютъ—не жалѣютъ,
и стригутъ—не берегутъ.
Братья под'руки ведутъ,
сѣстры плачутъ и ревутъ.
„Ой, сестрицы, вы сестрицы,
не жалѣйте молотца.
Нѣтъ не матери-отца.
Кругла-кругла сирота
остается дѣвчѣнка бѣлаго лица“.
757. Тятя, тятя, тятя мой,
сядь, подумаемъ со мной.
Сядь, подумай, погадай,
вставай, лошадь запрягай,
меня в'солдаты собирай.

758. Вотъ, в'салдатушки везутъ,
трезвы ноженъки нейдутъ.
Трезвы ноженъки нейдутъ,
на лошади отвезутъ.
759. Мѣдна мѣра загремѣла
надъ моею головой.
Моя мила заревѣла
пуше матери родной.
760. Ты, милашичка, не вой:
на Покровъ приду домой.
На Покровъ приду домой
и опять я буду твой.
761. Середная*)-то дорога
вся слезами улиѣ.
Уливали еѣ слезамъ
наши матери с'отцамъ.
762. Я подѣ мѣру становилса,
тронулъ мѣру головой.
Мнѣ начальство говорило,
что несчастный жеребей твой.
763. Не отъ радости у дѣвушки
осѣкласа коса.
У еѣ то-ли милова
нече снимутъ волосѣ.
764. Вотъ насъ бреютъ—не жалѣютъ,
повалятса с'насъ виски.
А стригутъ и берегутъ,—
какъ с'осианушки лиски.
765. Увезутъ в'салдатушки
от'болѣзной матушки.
Отъ болѣзной матушки
не хочѣтса в'салдатушки.
766. Доставайса мому брату
всѣ соха и борона,—
всѣ соха и борона
и кобыла воронѣ.
А мнѣ, бѣдному, несчастному—
чужая сторона.
767. Какъ я мальчикъ не работалъ,
какъ я не старалса,
всѣ работы приработалъ,—
в'салдаты попалса.
768. Каркнулъ воронъ на берѣзѣ,
свиснулъ воинъ на конѣ.
Помипай миня, милѣя,
в'чужой-дальной сторонѣ.
769. Не об'томъ я, мальчикъ, плачу,
что чужая сторона.
А об'томъ больше скучаю:
пройдѣтъ молодость моя.

*) Т. е. въ село Середу.—гдѣ бываетъ
призывъ рекрутовъ.

770. Вотъ в'салдатушки везуть,
трезвы ноженъки нейдуть.
На лошаткѣ отвезуть,
на лошаткѣ каринькой,—
не простился съ маминькой.
На лошаткѣ сивинькой—
не простился съ милинькой.
На лошаткѣ воронѣй,
не ворочуса я домой.
771. Некрутѣ вы, некрутѣ,
нещастные голбушки!
Увезуть васъ, некрутѣ,
со своей сторонушки.
772. Ой, батюшки, уѣзжая
на чужую сторону.
На ково я оставляю
свою черно-бровую.
773. Родимая моя мать,
подвежи котомку:
отправляетца сынокъ
на чужую сторонку.
774. Чтѣ ты, мама, рано встала,
рано цвѣтикъ сорвала?
не дала дома нажитъся,—
во солдаты отдала
(или: во салдаты собрала).
775. Милые родители,
на што миня обидѣли:
большова брата стерегли,
миня в'солдаты берегли.
776. Милые родители
начисто обидѣли.
На-ноги поставили,
служить Царю заставили.
777. Я схожу ли на могилу,
разбужу родную мать:
„Не пора ли тебѣ, мама,
„ис'сырой земли вставать,—
„из'сырой земли вставать,
„миня в'салдаты провожать.“
778. Чтѣ ты ввѣсса, чѣрный воронъ,
надъ мсею головой?
Али чуешь, чѣрный воронъ,
двѣ побѣды надо мной?
Вотъ, какъ первая бѣда—
я записанъ въ рекрутѣ.
А вторая-то бѣда—
у миня осталась сиротѣ.

779. Хорошо тому гулять,
у ково—отецъ и мать.
У миня у молодца
нѣтъ ни матери-отца.
На владбищѣ вѣтеръ свищетъ,
покойнички крѣпко спятъ.
Пойду-схожу на могилу,
разбужу я мать родиму:
„Ужъ ты, маминько, вставай,
„миня въ городъ собирай.
„Всѣ-то сроднички съѣхались,
„сошлись, только нѣту-тко
болѣзной,
„одной маминьки родимой.
780. „Повезуть миня в'салдаты,—
„вся деревня заревѣтъ.
„Одинъ тятинька заплачетъ,
„а дядя пѣсни запоѣтъ“.
781. Прощай, Волга, прощай, лѣсъ,
прощайте, звѣздочки с'небесъ
Прощайте, синіе моря,
прощай, милашичка моя.
782. Царь ты бѣлой, царь ты бѣлой,
што въ Росѣюшкѣ надѣлалъ
молодыхъ людей забрилъ,
всю Росѣю прослезилъ.
783. Ты милашичка—не глупая,
сама можешь понять:
безо льготушки в'солдатушки
не весело гулять.
784. Скоро, скоро заморозить,
соро сябгу нанесѣтъ.
Ярославская машина
насъ в'солдаты повезетъ.
785. На машинушку садилса,
яснымъ соколомъ взвилса.
Я съ милашкой распростилса,
слѣзамъ горькимъ залилса.
786. Рекрута вы, рекрута,
вы попали не туда.
Не въ ту сторону попали,
ваши головы пропали.
787. Что, гармошка, не играешь?
Али тону въ тебѣ нѣтъ?
Что ты, мама, не встрѣчаешь?
Али дома тебя нѣтъ?
788. Будѣтъ, будѣтъ, покатался
я на сивоѣмъ конѣ.
Будѣтъ, будѣтъ, покатался
на чужой на сторонѣ.

789. Черепанчики-молодчики,
поѣдемте домой,—
на родимую сторонку:
тамъ—праздникъ годовой.
790. Тятка мерина продасть,—
на гулянье денекъ дасть.
Продасть сѣвую кобылу,—
пришлѣтъ денекъ на машину.
Продасть бурю корову,
пришлѣтъ денекъ на дорогу.

Ландюховыя частушки (не индивидуальныя и насмѣшливыя).

791. Погляди-ко-те, дѣвчѣнки,
кто тамъ ходитъ по рѣкѣ,
вѣблѣй вышитой рубашкѣ,
и гармоника—в'ручѣ.
792. Свѣтять мѣсяцъ и луна,
дѣвки любятъ игрунѣ.
Кабы лодочка была
перѣхалъ бы туда.
793. Посмотрите-ка, дѣвчѣнки,
кто тамъ ходитъ за рѣкой,—
вѣблѣй вышитой рубашкѣ,
с'тальянкой под' рукой.
794. По рѣкѣ плывѣтъ бадейка,
у нея—дубово дно.
Плохо, плохо вамъ, дѣвчѣнки,
рибятишки за одно.
795. Сяду ли я на лавочку,
возьму в'руки балалаечку.
Я ударю по струнамъ,
приходите, дѣвки, к'намъ.
796. Деревнюшка близко к'лѣсу,
на краю стоитъ кабакъ.
Цѣловальникъ намъ знакомый,—
отпускаетъ водку такъ.
797. Не женитесь, мальчишки:
холостымъ лучше гулять.
Холостой мальчикъ гуляетъ,
какъ соколъ в'полѣ летаетъ.
798. Дайте скрипочки, органы,
да бутылочки, стаканы.
Мы изъ бутылочекъ попьѣмъ,
да дѣвчѣночекъ попьѣмъ.
799. Не на то мальчикъ родился,
что о пашнѣ кропотать. *)
Я на то мальчикъ родился,
что пѣ попить да погулять.

*) Т. е. заботиться.

800. Намъ не в'старосты садитца,
намъ не славу наживать.
Попьянѣ бы напитокъ,
да подолше погулять.
801. Буду пить напропалую,
денегъ нѣту не гроша.
Денегъ нѣту не гроша,—
намъ кривая хороша.
802. Вотъ какъ запилъ-загулялъ
молодой прикащикъ;
бѣлы ручки запустилъ
во хозяйской яшникѣ.
803. Дѣвушки-бѣляночки,
гдѣ ваши гуляночки?—
„Мальчики-соколики,
сами про то знаете,
сами про то знаете,
вмѣстѣ с'намъ гуляете“.
804. Наша улочка песчанѣ,
а сказали, што грязнѣ.
Нашихъ дѣвокъ любить можно
а сказали, што нельзя.
805. У насъ побосы не долги,—
косыки—не широкі.
У насъ дѣвушекъ не много,—
да дѣвчушки хороши.
806. Наше поле—с'вашимъ рядомъ,
наше—колосистѣй.
У насъ дѣвушекъ не вногъ,
зато пофорейстѣй.
807. Намъ не надо свѣчокъ салныхъ,—
у насъ лампочки горять.
Намъ не надо дѣвокъ дальныхъ.—
со своимъ будѣмъ гулять.
808. Намъ не надо свѣчокъ салныхъ,—
у насъ лампочки горять.
Намъ не надо робятъ дальныхъ,—
хороши своѣ сидятъ.
Рибятишки дальные—
прянички сахарныя.
Рибятишки наши—
хуже кислой каши.
А што каша не в'пирокъ,—
только стбѣтъ пот'порокъ
809. За рѣкой овца пропала,—
мы телятину ѣдимъ.
На своихъ-то мы дѣвчѣночекъ
и глазами не глѣдимъ.

810. Еровое мы молотимъ,
а мякину спѣшивамъ.
С'чужимъ дѣвушкамъ гуляемъ,
а своихъ—помѣшивамъ.
811. Еровое молотимъ,
а мякину спѣшивамъ.
Мы хорошихъ робятъ любимъ,
а своихъ помѣшивамъ.
812. Я сидѣла на скамѣ,
вышивала по канвѣ.
Вышивала по тапбѹру,
отдала не дальному,—
не своему я сельскому,—
чужому, деревенскому.
813. Намъ не дорогъ Шуя-городъ,
намъ дороже село Спасъ.
Вокъ какъ дальніи дѣвчѣночки
повысушили насъ.
814. Какъ на Шачѣ, на рѣкѣ
плаваютъ утята.
Не придутъ ли к'намъ гулять
Медвѣдковски ребята.
815. В' Толпыгинѣ крѹты горы,
рибятишки плуты-воры,—
рамы колютъ, стѣкла бьютъ,
дѣвчѣнкамъ ходу не даютъ.
816. Какъ толпыгинска гора
чѣмъ украшена она?
—Сабогамъ с'калошами,—
робятамъ хорошими;
свѣтикамъ-то алинѣкимъ,—
дѣвчѣнкамъ не наглядниѣкимъ.
817. На горѣ--арбузы,
подъ горой-то--виноградъ.
Какъ толпыгински робята
пропили картѹзы.
818. Какъ толпыгинска гора,
чѣмъ украшена она?
Пеньями-колодами,
мальчишкамъ уродами.
819. Киселѣскіе *) вѣтъ люди
онѣ съѣли мышь на блюдѣ.
Онѣ думали—пирокъ:
хватъ—лягушка поперѣкъ.
820. Киселѣски шпильницы
вѣтъ какіе умницы:
щочку клювковой намажутъ,
брови углемъ подведутъ,
гулять на линію пойдутъ.

821. Горбуновски *) слесаря
первы плуты отъ царя.
Пильщики да плотнички—
последніе работнички.
Контористы на чести,—
любятъ дѣвокъ по шести.
822. Отъ Петроска **) то—дорога,
отъ Столова ***) то—тропа.
А з' дороги намъ не нада,
а с'тропы—поди суда.
823. Какъ крозь Юрино деревню
прокатилось колесо.
Вотъ какъ юрьенски дѣвчѣнки
цѣлуютъ хорошо.
824. Черезъ кочку, черезъ пень,
черезъ колотушеу
цѣловали дѣвки насъ
в'самую макушку.
825. Какъ крозь Юрино деревню
прокатилась яовина ****).
Вотъ какъ юрьенски дѣвчѣнки
всѣ охочи до вина.
826. Говорятъ што я, малѣ,
с'неба звѣздочки бралѣ.
с'неба звѣздочка упала,
я за пьяницу попала.
ничего што пьяница,—
я—сама красавица.
827. Какъ под' нашей подъ горой
торговалъ мужикъ золѣй.
„Почѣмъ, дѣдушка, золѣй?“
— По копейкѣ серебра.
„Милой мой, не сватайся,
намъ съ тобой не сладитса.
Ты—старикъ, я—дѣвушка,
не пойду за дѣдушка“.
828. Трех-копеешнй мужикъ
на кровати ѣжить.
Сто-рублевая жена
у кровати стойтъ.
„Ай, мужъ, прости,
„на кровать пусти“.
— „Я тогда тебя пушшѹ,
„когда шкуру всю спушшѹ“.
829. Какъ у нашихъ у воротъ
кочѣтъ пѣсенки поѣтъ.
Курица тѣпнула,
половица лѣпнула.

*) Горбуновскіе, т. е. съ фабрики Горбунова въ Киселевѣ.

**) Петровское,—деревня возлѣ с. Толпыгина.

***) Столово,—деревня возлѣ Толпыгина.

****) Т. е. разостлано полотно вдоль всей улицы, для бѣлки.

*) т. е. изъ с. Киселева.

830. Дѣвки в'лоточку сажались,
а под'лоточкой—вода.
Дѣвки юбки обмочили—
перевощичку бѣда.
831. Опрокинулась бадейка,
повытекла вода.
Не полуйтёса, дѣвчѣнки,
ротъ розиня никовда.
832. Я свою-то ли милую
знаю чѣмъ утѣшу:
Куплю соли пудовъ десять,
на шею повѣшу.
833. У милова у мово—
сударокъ много у нево.
Всѣ столѣтня баушки,
всѣ—его сударушки.
834. Моя милая—вертячка,
ис'пот'тачки колесо,—
за грошовую канфеточку
цѣлуется горячо.
835. Борода миня сгубила,
усики проклятые.
Ето все бы ничего,—
да волосы—кудрявые.
836. Борода миня сгубила,
усики проклятые.
Ето всё бы ничево—
брюхо-то—мохнатое *).
837. Гармонь нѣва вся истѣрта,
гармонисъ похощъ на чѣрта.
Кто играетъ, тотъ збираетъ,
кто поётъ,—и тотъ пойдѣтъ.
838. У мово-то у милова
укуратнинькой носѣтъ:
девять курочекъ усядетса,
ешио десятой кочетѣтъ.
839. Моя мѣла,—какъ кобыла,
кругло-лица,—какъ овца.
Губы тѣниньки-тонѣнки,
какъ у мерина колѣнки.
840. У миня милашка есть—
нелѣзя крозь ўлочку провестъ:
лошади пугаютца,
извошнички ругаютца;
ротъ до самыхъ до ушей,
хоть завязочки пришей.
841. У моей-то у милѣй
брови черныя дугой,
сарафанчикъ голубой,
сопли тянутся вожжой.

*) Т. е. «очень рано волосъ пошелъ,
сгубилъ мою красоту».

842. У милашки у моей—
пот'подоломъ соловей.
Какъ куда она пойдѣтъ—
соловухекъ запоётъ,
843. Ужъ ты, мѣлая моя,
рукодѣленка была:
рукодѣленка была,
под'подоломъ замела,
Сарафаны шиломъ шила,
топоромъ лапшу крошила.
844. Широка путь-дорожка
Волга-матушка рѣка.
Двѣ пуховые подушки—
крутые берега.
845. Черезъ Шачу-матушку,
поставлю я полатушку.
новую, бѣлѣную
скрыпицей зелѣною.
846. Черезъ Волгу-матушку
выстрою полатушку.—
бѣлую-бѣлѣную,
крыпицу—зелѣную.
847. Дѣвушки-бѣлѣночки,
штѣ у васъ за ямочки?
Мальчишки-сокоблики,
штѣ у васъ за колики? *)
848. Чтѣ ты, мѣлая моя,
гдѣ ты обмочилася?—
—„Я у дяди за дворѣмъ
грамотѣ училася“.
849. Не шей-ко, Матрѣна,
красныя порты:
насеру я полные,—
будутъ коротки,
850. Рукава баба купилѣ,
а накидку продалѣ.
Рукомойничекъ разбила,
пастуху разокъ дала.
(Им: пастуху помолвила).
851. Руки, руки, рукавѣ,
руки с'пальчикамъ,
Наши дѣвушки гуляютъ
всѣ-то с'мальчикамъ.
852. Я у тѣщи ночевалъ,
съ печи оборвалъса.
Головой в' ушатъ попалъ.
„Какой чѣртъ тебѣ велѣлъ,
„што ты не держался?“.

*) Эта частушка есть загадка,—о поло-
выхъ органахъ.

853. Ой тѣща моя,
хуже лихоратки.
Щи варила,—пролила
себѣ на запятки.
854. Ой, тѣща моя, доморощенная,
на тебѣ шуба новѣ, не воро-
ченная.
Буду тѣщу любить, буду шубу
носить,
буду шубу носить,—повора-
чивати,
буду тѣщу любить,—поколачивати.
855. У душки спалъ,
на подушкѣ лежалъ.
Миня душка за ушко
потащила на брюшко.
856. Милашка моя—
кака ласковая:
за волосья миня
с'печки стаскивала.
857. Подъ шубою была,—
пошшупали миня.
Подъ бѣлою была,—
обдѣлали миня.
858. Бес'ятиньки у маминьки
просилъ солдатъ говядинки.
Што ты, дура, не дала?—
ты бы баронѣй была.
859. На печи-то по лучинѣ
миня дѣвушки учили.
Миня тятинька засталъ,—
за волосья оттаскалъ.
860. Пляши, пляши, дѣвица,—
ничѣво не здѣлалася.
Тише, дура,—ума вѣтъ:
перестанешъ или нѣтъ?
861. Устинья была,—
суетила миня.
Настасья была,—
наставлявала.
862. Подъ ёлочкой,
подъ горочкой
стоитъ мальчикъ
с'дѣвчѣночкой.
863. Тужить, тужить стаповой
што дохотъ ему плохой,
а урядникъ-отъ горюётъ,
што наротъ мало воруетъ.
864. У Дороднова на фабрицѣ
случились чудеса:
передъ казненнымъ прикащикомъ
стоятъ по-двои вѣса.

Плясовые частушки и выкрички.

865. Охъ охъ тѣ,
да голова в'дехтѣ,
да руки по-лохтѣ.
866. Топчи землю—
грыбы будутъ.
Цолуй дѣвокъ—
любить будутъ.
867. Гуляй, молодѣ,
за старыя годѣ.
Жива буду—не забуду,
какъ гуляла молодѣ. *)
868. Тятка, тятка,
тятка мой!
скинь порточки,
лякъ со мной.
869. Руки, руки, рукава,
рукава корѣтки.
Долга чаю не пила,
напилась у тѣтки.
870. Ступи, ступи, нога,
(Или: топни, нога),
не жалѣй сапога.
Тятка лыка надерѣтъ
новы лапти сплетѣтъ.
871. Кто играѣтъ, тотъ збираѣтъ,
Хто поѣтъ,—и тотъ пойдѣтъ.
872. Ай питерцы, владимерцы,
кушцы помрутъ ростанутся,
купчихи намъ останутся.
873. Милашку бьютъ,
перчатки рвутъ,
калошки долой,—
поди, милая, домой.
874. Горохъ частѣй
обмолѣтѣстѣй,
мальчишко хорошъ
оборѣтѣстѣй.
875. Шель я верхомъ, шель я низомъ,—
у Машоньки—домъ съ карнизомъ.
876. Ето правда, ето былъ,
я при ефтомъ дѣлѣ былъ.
877. Тятка мерина продастъ,—
на гуляньѣ денегъ дастъ.
878. Ето правда, ето правда,
што Сусанинъ царя спасъ.
879. Черви, бубны, тузъ крестѣй,
моя-то милашка без'вѣстей.

*) «Такъ поютъ на свадьбѣ, когда уже
пьяны».

880. Это вѣрно совершенно,
што картошка без'костей.
881. Ты йерань, йерань, йерань,
ты, зе ёналя, не вянь.
882. Охъ ты пой-ка, ты пой,
товаришшъ мой:
да уважаю я голосъ твой.
883. У моей-то у милбй
сопли тянутся гужбй.
884. Не подмигивай, кривая,
не ломай своё бѣльмб.
885. Милый мой похлѣбку пролилъ,
разсердился—горшокъ
сѣбѣ.
886. Зима—не лѣто,
пройдѣтъ и не это.
887. Пить будѣмъ, гулять будѣмъ,
смерть придѣтъ, умирать бу-
дѣмъ.
888. Изъ окна милка глядѣла,
какъ цыганка чѣрная.
889. Услана ли путь дорожка
всѣ соломкой ировбй. *)
890. Ты играй, играй, дву-рѣточка,
играй повиселѣй.

Хороводныя частушки.

891. Ушъ ты дѣвица-красавица моло-
динькая!
полюбила ты молбтчика хо-
рошинькова.
— „Мяѣ не стыдно съ нимъ во-
зится,
радось—горенкой протти.
пошкой топнути“.
Вбшоль милой во покой,
топнуль правою ногой,
сказалъ: „Дѣвки, охъ вы
мнѣ!
Былъ не кбсовой платочикъ,
поцалуй миня разочикъ“.
892. Противъ зеркала, противъ свѣт-
лова,
стоитъ Машинька, принаря-
женная.
Скажи, скажи: Для кого?
—Для милбва своего.
Дуѣтъ, дуѣтъ вѣтеръ мой,
дѣтинушка молодой,
Я горю, горю, горю,
на тесовомъ полѣ.
Ково знаю—полюблю,
тово выкуплю.

893. Ушъ ты, кралечка дѣвбчка!
на груди—бѣля цѣпочка,
в'ушѣхъ—серги золотые,
и висбчки—подвитые.
— „Я люблю, люблю такбва—
нѣтъ картуза никакова.
Продамъ шупку и бурмузъ,
куплю милому картузъ,
такой щигольской, нбвой, драповой
гарнетуровой платокъ.
Поцѣлую разъ пятбкъ“.
894. Ты, Иванушко, хорошъ:
ты на фабрикѣ живѣшь.
Много денегъ выживаѣшь,
мало дѣвушкамъ даѣшь:
поцѣлуешь—прочъ пойдѣшь.
895. Чисто мальчикъ при-одѣтъ,
на немъ драповой жилетъ,
брючки на подтяжкѣ;
чесы при кармашкѣ.
На помадѣ волосѣ,
ето—Сашина красѣ;
кудѣречки вьютца.—
дѣвушки любуютца,—
дюжину цѣлуютца.
896. Погледѣ-ко-тѣ на крышу,
што на крышѣ дѣлатса.
Тамъ—дымъ, тамъ—чѣтъ,
тамъ воробышки кричатъ.
Тамъ воробышки кричатъ,—
цоловатса намъ велятъ.
897. Ёхалъ мальчикъ ис' Саратова,
выѣзжалъ орать на матирѣ,
боронилъ на старомъ дѣдушкѣ,
цоловали ёво дѣвушки.
899. Ёхалъ милой из' Дупилова с'
возамъ.
Воду черпала, „Богъ-на-
помочь“ не сказалъ.
„Богъ на помочь, ленаглядная!
„Што ты ходишь не на-
рядная?“
—Извини, не нарядиласа:
цоловатса торопиласа.

899. Ёхалъ милой изъ Дерпилова *)
с'возамъ;
на колотѣ водѣ черпала я.
Милъ проѣхалъ, „Богъ на-по-
мочь“ не сказалъ.
„Здравствуй, мила-ненаглядная!
„Што ты ходишь не нарядная?“
—Извини: не нарядилася,
целоватса торопилася.

900. Журавлёвы долги ноги,
не нашли пути-дороги,
онѣ шли стороной,
боронили бороной.

Борона желѣзная,—
поцолуй, любезная.

901. Я сидѣла на скамейкѣ на концѣ,
пропалай моё колочко на
подлецѣ.

Моё кольцо—золотистое,—
моё дѣло—не форсистое.

Не подтягуюся ремнѣмъ,
не подкупицца рублѣмъ,

По семь разъ цоловалиса.

Не послушаю васъ,
поцолую одинъ разъ.

902. Хороша была бѣда,—
дѣвки пѣсенъ не поють.

Одна дѣвица залѣла
и по горенкѣ пошла,

и по горенкѣ пошла,—

парня за руку взяла,
вдоль по горницы провела.

Чезело паренъ дышаетъ,
праву ручку крѣпко жмѣтъ,—

праву ручку крѣпко жмѣтъ,
мина любезной называлъ:

„Ты скажи, скажи, милая,
скажи вѣрнукъ любовь:

отъ чего сердце страдаетъ,
отъ чего пылаетъ кровь?

Знать приходитъ пора-время,
сердцо чувствуетъ любовь.

При долинѣ ключи бьютъ,
Во лущкахъ свѣтъ свѣтутъ,

в' лѣсѣ пташечки поють.

В' лѣсѣ пташки-кинарейки сидятъ,
в' роцѣ пот' кустомъ говорятъ:

Мнѣ не стоять бы съ молодцами.

Молодецъ в' лицо ласкаетъ,
а на серцѣ—злой обманъ.

Еще, алинькій свѣточикъ,
поцолуй, душа, разочикъ.

903. Я люблю, люблю гармошку
с' разнымъ колокольчикамъ
Ты играй, играй, гармошка,
а я пѣсенку спою.
Я сама себя у тѣщи
и тебя развеселю.

904. Ушѣ ты, дѣвушка-мѣдокъ,
твой сахаринькой ротокъ,
твоѣ брови сто-рублѣвы
твоѣ усы педесять,
поцолуй расъ шездесать.

905. Ушѣ ты молодецъ-патреть!
Неужели человекъ?
Неужели человекъ?
Цоловалъ бы тебя вѣкъ.

906. Кавалеры, вы не пейте вина,
придѣтъ милинькой—не бей-
те ево.
Кавалеры наши выпили вина,
пришелъ миленькой—оби-
дѣли ево,
разобидѣли-обидѣли ево,
чернобровую отбили у нево.
—„Чернобровая, хорошая моя,
поцолуй-ко ты, пожалуйста,
мина“.

907. Не пойду я в' тотъ конецъ
не по йѣгнать, не по овецъ:
ко мнѣ сваталса вдовецъ.
За вдовца не отдадутъ,
за салдата берегутъ.
За салдата-усанѣ
поди, маминька, сама:
у салдата чѣрный усъ,
цоловать его боюсъ.

908. Вотъ, не долго той снѣжинкѣ,
на талой землѣ лежать.
Вотъ, не долго сиротинкѣ
не женатому гулять.
Я ходилъ, я гулялъ,
всѣ хорошихъ выбиралъ.
Какъ купеческу родню
я не очень люблю,
я не очень люблю,
поцолую—прочь уйду.

*) Село Дерпилово.

909. У насъ Сашинька чисто ходилъ,
бѣлу-вышиту рубашку по-
силъ.
Я ешио ему прибавила красы:
на бѣлую груть повѣсила
часы,
проняла ему косой воротокъ,
посадила девять пуговокъ
врядокъ,
девять травокъ нѣмецкихъ,—
цолуй дѣвокъ деревенскихъ.
910. Вотъ какъ дѣвки—дѣльные,
вотъ какіе рукодѣльные.
Ужъ чеве же мы не дѣлывали,
ужъ чеве мы не рѣшывали.
Косаремъ траву мы кѣшивали,
на собакахъ сѣно вѣживали,
на печи мы сѣно сушивали,
на полатахъ стоги мѣтывали.
Мы охѣпочкамъ кидалиса,
поцолую дожидалиса.
911. Што ты, молодецъ, не жѣнисса,
на ково, радость, надѣсса!
—Я надѣюса на дѣвушку,
на свою прежню сударушку.
Знаю, знаю, не спокинѣтъ миня;
знаю, знаю, не оставитъ миня.
— У насъ въ горенкахъ чистѣ-
хонько,
переходъ у насъ чистѣхонь-
кой,
башмачки не топчутса,
чулки бѣлы не мараютса,
чулки бѣлы не мараютса,—
поцолую дожидаяса.
912. Миня дѣвушку не что не веселитъ.
Кромѣ милова не кто не
посидитъ.
Посидѣлъ милѣй минуточку со
мною,—
вся компанія смѣялась надо
мной.
- Говорили, что я, вольница,
поцолую ково хочетса.
913. Я на стулчикѣ сидѣла,—
слѣски кѣтятса.
Жениха мнѣ даютъ,—
да не нравитса.
Создай, Боже, помолсже,
по моей-то красотѣ,
чтобы водочки не кушалъ,
табаку бы не курилъ,
поцолуюмъ бы дарилъ.

914. Я стояла у собора у дверей.
Полюбилъ миня и самъ-отъ
ивхирей
Анхерейница с'ума сошла,
по собору танцовать пошла.
Танцовала по-легѣхоньку,
цоловала по-манѣшеньку.
915. Посѣю я гречи
у самою сѣчи *).
Моя греча не взошла
цѣловатца я пошла
(или: со другимъ гулять пошла).
916. Посѣю горошку—
по саму дорожку.
Мой горошикъ не взошолъ,—
цѣловатца я пошолъ.
917. Я у печки сижу,
я заплатки плачѣ.
Всѣ заплатки заплатила,
цоловатса покатила.
918. Чорная смородина
в' саду заморожена.
Ягода-изюмина—
цѣлаватса дюжина.
919. Чорную смородину
кто еѣ воруетъ,—
на тово ли мнѣ досадно,
кто милова цолуетъ.
920. Чорную смородину
знаю, кто воруетъ.
Мнѣ досадно на тово,
кто дружка цолуетъ.
921. Чорные гласки—очень хороші,
распрятно-милые для моей
души.
Чорные гласки, можно васъ жа-
лѣтъ;
распрятно, милые, три расъ
цоловать.
922. Чорные гласки—очень хороші,
чорные-весѣлые для моей
души.
Бросьте шалости, биньте в' одинъ
расъ,
я за эти шалости поцолую васъ.
923. Какъ у нашей душички
груди—какъ подушечки:
клади во зголовьцо,
цолуй на здоровьцѣ.

*) Т. е. «у порубочка, у лѣса порубленнаго».

924. Вы, дѣвчушки, каки вѣжливые!
В'ришетъ к'обѣднѣ вѣживали,
на роскѣтѣ роскатилися,
цоловатса торопилися.
925. На помадѣ волоса,—
ето Машина краса.
Кудеречки вьются,—
мальчики любуются,
в' дюжину цолуются.
926. У насъ Маша-та—не хуже людей,
подбородочекъ до самыхъ
грудей,
Ой судароня, судароня моя,
поцолуй-ко ты пожалуйста
миня.
927. Я гуляла по сухому берешкѣ,
пошпишала зеленѣва шша-
велю,
дарила я извошшичку,
молодому перевошшичку:
Ты извошшикъ-первошшикъ мо-
лодой,
проводи миня пожалуйста домой,
мой домъ недалѣко за рѣкой.
Какъ узнали всѣ ребятушка,
доложили родной матушкѣ.
Родна матушка не тихая была,
мнѣ потѣачики гулять недала,
заставила капусту полоть.
Я полю, полю,—не полетса.
Поцолую, ково хочетса.
928. Горбуноскіе прикашшички
запустили ручки в'яшшички,
у козяина часы унесли,
себѣ товару на два года за-
пасли,—
а тавару удивительнова.
Ой судароня, судароня моя,
поцолуй-ко ты пожалуйста миня.
930. У талпыгинскихъ ребятъ—
под' окошкомъ виноградъ.
Кисти виноградные,
мальчишки ненаглядные.
Мы по кисточкѣ сорвемъ,
цоловатса к'нимъ пойдемъ.
931. До мальчика до хорошинькова,
ой, сударь мой,—до васъ!
Беспокоить хотимъ васъ,
хотимъ васъ беспокоить
за нами походить,
за собою поводить.
Ково надобно тебѣ,
тово выбери себѣ.

932. Везлѣ садика гуляла молодѣ.
Из' за садикѣ шугала со-
ловья.
Она думала: Соловусекъ ле-
титъ,—
холостой мальчикъ ко дѣвуш-
кѣ бѣжитъ.
Родна маминька в' окошечко гле-
дитъ,
цоловатса мнѣ со милнемъ
велитъ.
933. Какъ у Саши в' огородѣ
выросла петрушка.
Кто Сашонку поцолуетъ,—
тому квасу крушка.
934. Ушѣ дѣвица румянѣ,
сачѣмъ любишъ Иванѣ.
—„Я за тѣ люблю Иванѣ,
что лицо ево румяно,
в' щочкахъ—листочки,
в' гласкахъ—мителѣчки.
Аленькіе гупки—цоловалъ бы
сутки“.
935. У насъ дѣвушки—вертѣчки,—
ис' пот' тачки колѣсо.
За грошовую канфетку
и цолуютъ хорошо.
936. Погледитѣ, дѣвки, в'ясли:
в' ясляхъ два кота увязли.
Прибѣжали кошки,
выдергали ношки.
Двѣ минутки лежались,
цоловатса побѣжали.
937. Отчего ты, мальчикъ, бѣлъ?
—„На сметанѣ колотъ ѣлъ“.
Отчево, мальчикъ, большой?
—„Кушалъ кашицу с' лап-
шой“.
Отчего ты, мальчикъ, пыленъ?
—„Подъ горой картошку
пѣкъ,
„свою милую стерѣкъ.
„Я милашку не видалъ,—
„цоловатса побѣжалъ“.
940. Шла старушка с' тово свѣту,—
не зубовъ, не носу нѣту.
А баскѣ, баскѣ, баскѣ,—
поцолуй-ко три раскѣ.
941. Ушѣ ты, дѣвушка,—люднѣ:
на кровати спишъ одна.
Потихоньку дышишъ,—
поцѣлую не услышишъ.

942. У насъ Аннушка люднѣ,
на кроваткѣ спитъ одна.
Двѣ минутѣ полежала,—
целоватса побѣжала.
943. Шолъ мальчишко по дорожкѣ,
потерялъ двѣ папироски,
ещшо спичекъ коробокъ,—
поцолуй, душа, разокъ.
941. У капуски кочешокъ
любитъ поливаньцо.
Молоденькой паренѣкъ
любитъ цолованьцо.
943. Зелѣная бѣшомка
любитъ поливаньцо.
Молодинька дѣвушка
любитъ цолованьцо.
944. Погляди-ко-тѣ к' парогу,
нѣтъ ли лисова народу.
Я по лысинѣ хвачу,
цоловатса покачу.
945. Потихоньку топайтѣ,
полъ не проломитѣ.
У насъ пог'поломъ вода.
Опустилъ гармонь туда.
Цоловатса не бѣда.
946. Сидитъ сопкой на берѣзѣ,
а десятичкой—на елѣ.
—Мы не зря суда попали,
„насъ дѣвчонки завели“.
947. Сидитъ сопкой на берѣзѣ,
а десятичкой—на елѣ,
„Мы не такъ суды попали,—
„насъ дѣвчонки завели,
„Насъ дѣвчонки завели,
„цѣловатса повели.
948. На поповомъ-то лугу
стоитъ кринка творогу.
Двѣ тетери прилетѣли,
поклѣвали—улетѣли,—
цоловатса захотѣли.
949. Погледите подъ лохань:
кошка шила сарафанъ.
Она шила, гоношила,—
цоловатса поспѣшила.
950. Ой раки, раки, раки!
Рибятишки дураки!
Поиграйте в' дудочку,
поцолуйте дурочку.
951. За овиномъ стоитъ пенъ,
повернутся ему лѣнь,—
шея не воробчатса,
цоловатса хочетса.
952. За овиномъ боронѣла,
сивка в' яму уронила.
Побѣжала за отцомъ,—
цѣловалася с' молотцомъ.
953. Погледите в' ясли:
два котѣ увязли.
Прибѣжала кошке,
выдергами ножки.
Двѣ минутѣ полежали,
цѣловатца побѣжали.
954. Потонули двѣ подушки во слезахъ,
цоловала я милѣва при че-
сахъ,
при кашмировой рубашичкѣ.
А кашмиръ-отъ по рублю
такъ по рублю.
Ково знаю—полюблю—такъ
полюблю.
955. Какъ Толпыгинскимъ ребятамъ
прижилось, прибылось, при-
богатилось.
Вы строили дома, дома каменные,
ис' хрустѣли потолокъ,—
Поцолуй, душа, разокъ.
956. На печкѣ сидитъ,
обуваецса, лежить,
рѣзвы ножиньки пот'борчилъ
бѣлы ручиньки поджалъ,
бѣлы ручиньки поджалъ,—
цѣловатса побѣжалъ!
957. Какъ у дяди за дворомъ
кулѣйку ѣли с' творогомъ,—
сметаной помазана,
цоловать приказана.
958. Шолъ мальчишка ис' Саратова,
выѣжалъ орать на матерѣ,
боронилъ на старомъ дѣдушкѣ,
поцолуютъ его дѣвушки.
958. Шла дѣвчѣнка ис' татарской сло-
боды.
Еѣ шкура не годитса не
буди
еѣ шкуру и собаки не ѣдятъ,
а мальчишки поцолуютъ до-
рожать.
959. Ушъ дѣвица высока,
тебя згубила красота.
красота тебя згубила:
кавалера полюбила,
поцолуетъ подарила.

960. Изъ Рыспава шелъ старикъ,
нѣсь рябины четверицъ;
Онъ, рябины не дожравши,
надсадилса цѣловавши.

961. У парнишка деньги есь,—
можно разгулятса.
Деньги ваши будутъ наши,—
можно цоловатся.

962. Шла дѣвочка по дорожкѣ
потеряла двѣ серѣжки,
Два серѣбряны кольца,—
полуй, дѣвка, молоца.

967. Шла дѣвчонка по полу,
на ней платье до полу.
На подолѣ—сѣра вошь,—
пополуй, ково хошь.

968. Пойду ли я по городу гулять,
пойду ли по Владимиру
опять.

Зайду ли я к' купцу в' лавочку,
куплю себѣ косыночку,
косыночку не козовую,
шиту-браную, не нбшеную,
подарю я своему милянѣ.
Видно, милянѣ не любить
и косынку не примаешь отъ миня.
за косынку не цолуетъ миня,

Архангельская
Областная
Библиотека
им. А. И. Демьянина